

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ПОСЛЕДНИЙ КОНТРАКТ

Марковцев

Михаил Нестеров
Последний контракт

«ЭКСМО»

2005

Нестеров М. П.

Последний контракт / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2005 — (Марковцев)

На территории атомного объекта в столице, захваченного отрядом чеченских террористов, среди сотен деморализованных заложников находится человек, который стоит целого вооруженного отряда. Это Сергей Марковцев, подполковник спецназа ГРУ. Он уже уничтожил несколько бандитов и подбирается к тому месту, где скрывается их главарь. Марковцеву по громкоговорителю приказывают выйти с поднятыми руками. Иначе его любимую женщину Катю Скворцову, схваченную чеченцами, ждет мучительная казнь... Но у Марковцева есть свой план. В случае его успешной реализации потерпят поражение не только террористы, но и вдохновители и организаторы, с одним из которых, бывшим вице-премьером Алексеем Матиасом, Марковцев некогда вместе работал. Теперь они враги...

© Нестеров М. П., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

* * *	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Нестеров

Последний контракт

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительными лицами – живущими либо умершими – чисто случайное. Взгляды и мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Капкан специально конструируется так, чтобы всякий мог по своему желанию освободиться от него в любой момент и без малейших неудобств.

Максим Соколов

Пока я жив, бог есть.

Михаил Козаков

* * *

Наручные часы Кати Скворцовой показывали ровно 8.30, когда микроавтобус содрогнулся от мощного толчка. Он закачался, как катер на воде, словно взрывом вырвало амортизаторы. Катя ухватилась за поручни над спинкой сиденья. Ее взгляд блуждал по стеклам, уцелевшим каким-то чудом, и выхватывал отдельные куски панорамы: справа, слева. На машину несся вал черной пыли и дыма. В нем крутились обломки ворот, разорванной в клочья будки контрольно-пропускного пункта; что-то бесформенное ударило в лобовое стекло, оставляя на нем жирный коричневатый след. Эта бешеная волна накрыла микроавтобус, заслонив восходящее солнце. Но Катя видела свои руки в синеватом свете монитора. Рукава коричневого пальто приобрели синюшный оттенок. Будто мир перевернулся и смешал все краски.

За окнами нарастал смерчевой рев. Неистовый ураган глушил, давил на стекла, заглядывал в окна и с громким воем несся дальше.

Считанные секунды длился этот катаклизм. Он ослаб в нескольких сотнях метров отсюда, напорвшись на жилые дома и заблудившись во дворах. Оставил за собой шлейф испуганных воплей автосигнализаций, резкий стук падающих обломков; отстучали крупные, завершили свое падение мелкие. Над площадкой повисла пылевая оранжевая завеса – как хвост смертоносной кометы.

По коже пробежал мороз, руки женщины скользнули с поручня. Она увидела ошарашенные глаза оперативника, сдавливающего руками наушники, поняла безмолвный вопрос на его губах: «Что это было?..»

Часть первая СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Глава 1 ЭЛИТНАЯ ЖАБА

1

Москва, сентябрь 2004 года

Последний раз Алексей Матиас видел этого высокопоставленного кремлевского чиновника, решая на Старой площади вопросы, касающиеся банковской реформы. Он стал свидетелем унижительной выволочки, устроенной безукоризненно выхолощенным человеком ряду депутатов Госдумы: «Никакие вы не депутаты и не народные избранники. За каждого из вас лично поручились конкретные люди из аппарата президента». Он едва не докатился до истерики, ставя парламентариев на место.

Администратора звали Николаем Груздевым.

Сейчас тридцатипятилетний чиновник казался спокойным. Казался человеком, *отчаянно* ответственным за судьбу страны. «Перед кем, о господи, – мысленно воскликнул Матиас, – он шелестит фальшивыми государственными размышлениями!»

– Алексей Михайлович, – продолжал Груздев, посверкивая золотыми запонками и отбеленными зубами, – вы купили пакеты акций предприятия, которое не продается.

– Но я купил его, верно?

– Оно не продается, – повторил чиновник. – Владельцы акций вернут вам деньги.

Груздев указал большим пальцем за спину на портрет президента. «Он велел», – без труда расшифровал этот жест банкир.

– Опустим этот бесполезный спор, – продолжил Груздев, – мол, вы владелец и в суд можете подать.

– Вот чего я не собираюсь делать, так это подавать в суд.

– Отчего же? Председатель Конституционного суда на вашей стороне. Он ляпнул недавно, что суды уязвимы для коррупционной атаки со стороны бизнеса и что судебная коррупция встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти.

– Только не добавил, что суды еще и управляемы сверху.

«Он велел», – вспомнился Алексею Михайловичу жест администратора. Парадокс заключался в том, что Груздев, работая как на собственное благополучие, так и на «черную» кассу Кремля, питающую секретные фонды – деньги для спецслужб, операции за рубежом и прочее, действовал во благо государства.

Отличительная особенность Алексея Михайловича: его угрозы никогда не были пустыми, равно как и его боевики сроду не таскали оружия с холостыми патронами. Банкир прошипел:

– Сколько я должен отстегнуть за эту разовую сделку?

– Только не вы, Алексей Михайлович. Может, вы хороший парень, только начальники здесь дурные.

– Только не я? Начинаете отлучать от той элиты, которая приносит в черный бюджет тысячу и за это получает с народа миллион? Значит, только не с меня вы хотите получить тысячу, чтобы положить в черный бюджет рубль?

Алексей никогда не сносил унижений. Он не собирался взирать, как на его глазах будут лопать его пряник. По большому счету дело не в деньгах, хотя на возврате денег и сопутствующих операциях он, конечно, потеряет. Дело приобретало моральную окраску. Он терял в весе, престиже. Он видел насмешливые глаза партнеров по бизнесу, они же злопыхатели: «Как тебя согнуло!..» Он не хотел позора, который уже начал охаживать его огромной малярной кистью.

– Вы... – сквозь зубы процедил Матиас, глядя на это ничтожество в деловом костюме. – Вы будете долго жалеть об этом.

Кремлевский чиновник устало махнул рукой. Он изредка слышал нечто подобное, но чуть завуалированное по причине бессильной злобы: «Как бы не пожалеть...» Как бы. Это словесный мусор, и мести его можно как угодно.

– А вы, – задал никчемный вопрос администратор, – не пожалеете? Хотите жертвовать собой – ради бога. Только не портите настроение другим.

Матиас даже не хмыкнул пренебрежительно. Этого лощеного уroda угораздило в змеиное болото, и он долго, корчась в судорогах, будет искать ползучего гада, укусившего его.

Ни о чем подобном Груздев не думал по разным причинам. Он не видел в этом «слепыше» никакой угрозы. Но если бы он видел его без очков... Вот если бы сейчас Матиас снял свои неподъемные минусовые стекла и глянул на чиновника, того пробрал бы мороз. От неожиданности, от мертвечины, сквозившей из глубины зрачков. И если бы сам Матиас, которого в школе дразнили Фильмоскопом, догадывался о магическом воздействии своих коптилок, он бы очки снимал, как шляпу, приветствуя каждого второго.

Убить – самое простое дело. Смертельно ранить – почти то же самое. Изувечить...

Хорошее определение. За свои деньги посмотреть, как будет корчиться на медленном огне эта элитная жаба.

Сейчас Матиас не жалел о тех незначительных деньгах, на которые он купит билет в первый ряд партера и будет любоваться этим захватывающим зрелищем. Как не жалел денег на сопутствующие нужды: сотовая связь, охрана, выпивка и жратва, цапки на любовниц. Все это необходимо, полезно и удобно, хлеб и зрелище.

Злоба, подогреваемая этими виденьями, закипала в груди Матиаса. Еще немного, и его «бронированные» стекла могли запотеть. Они стали проводником в прошлое, воскресили в памяти его детище – мощную организацию, действующую легально и в духе спецслужб. С ней не могла конкурировать ни одна преступная группировка, какой бы организованной она себя ни считала. Некоторых лидеров опознавали лишь по зубным протезам. Матиас же был уверен, что его не суждено опознать даже по характерным очкам с чудовищными линзами. Он ни в какую не соглашался на операцию по коррекции зрения. Знакомому офтальмологу он заметил: «А почему ты не сделаешь себе операцию?» Знакомый имел зрение минус пять с половиной диоптрий, «всего» вдвое меньше, чем у Матиаса.

Несколько лет наглядно показали: в России можно делать все что угодно. Создавать силовые структуры, выдавать сотрудникам удостоверения и оружие, пинком открывать двери министерств и ведомств, требовать конфиденциальную информацию, приватизировать предприятия и банки, продавать первые и приумножать богатство последних.

Оглядываясь назад, Алексей ловил себя на странной мысли: такого не могло быть в принципе. Голова кругом от всего этого.

Он никогда не был «вождем и учителем для никому не известных парней»; и пусть другие ОПГ хвалятся сотнями убийств – это от недостатка ума. Матиас всегда действовал выборочно и показательно. Если он говорил кому-то по телефону: «Или ты продаешь свой бизнес и твой компаньон выходит на свободу, или вскоре можешь попрощаться с обоими», то всегда

держал слово: нажимал на рычаг и звонил – либо в Генпрокуратуру, либо шефу группы особого резерва.

Прошли годы. Матиас, отсидевшись на деньгах, бурно и с подачи Груздева возвращался в прежнее состояние. Словно действительно воскрешал то время, когда с ним были тесно связаны в том числе и чеченские группировки.

Администратор уже целую минуту не обращал внимания на гостя своего роскошного кремлевского кабинета, – он смотрел на монитор ноутбука, вернее, ноутчеходана – таким огромным он был.

2

Алексею Матиасу позвонил Михаил Косоглазов, работающий в секретариате Совбеза России. За три года, что Косоглазов просидел на своем месте, получая от банкира премиальные за слив секретных документов, сменилось множество постоянных и временных членов «откупного» ведомства страны, равно как и секретарей, а он буквально прикипел к своему небольшому офисному креслу.

Косоглазов уволился из милиции в звании майора и долгое время нигде не работал. Сам вспомнил, что некогда оказывал «конторе Матиаса» информационные услуги, – то была работа группы бывших силовиков, входящих в состав службы безопасности банкира, по дискредитации и подкупу должностных лиц в силовых и государственных учреждениях России.

– Желательно встретиться, – сказал Косоглазов.

– Хорошо, – отозвался Матиас. Он находился в своем кабинете, выдержанном в классическом стиле. Массивный рабочий стол. Справа на столе монитор, развернутый к сидящему в три четверти, телефон. Слева перекидной календарь и часы-статуэтка.

Справа от двери разместился застекленный книжный шкаф-уголок. Точно такой же напротив. Между ними кожаный диван коричневатых тонов и длинный низкий стол с полками. Позади пара светильников в виде подсвечников.

– Подъезжай к семи в офис «Капитала», – назначил время банкир. – Жду.

Он положил трубку.

Глава управляющей компании Борис Восканян, страдающий от ожирения и нездорового любопытства, кивком головы спросил: «Кто?»

– Косоглазов из Совбеза, – пояснил Матиас, глядя на развалившегося на диване армянина. – Есть что-то интересное для нас, думаю. По пустякам меня Косоглазов беспокоить бы не стал. Плюс рассчитывает на дополнительные бабки.

В этот вечер Матиас был занят чертовски важным разговором с членами правления банка и промурыжил Косоглазова в приемной больше часа. А скорее всего забыл о нем, что промелькнуло на его незащитном лице явным недоумением: секретарша в конце совещания позвонила ему и сказала, что в приемной дожидается посетитель, что ему назначено.

Алексей Михайлович вышел в приемную, кивнул майору: «Зайди», отдал распоряжение секретарше:

– Две чашки кофе. – Последовал в кабинет вслед за Косоглазовым, бросив ему в спину:

– Присаживайся. Одну минутку.

Алексей Михайлович опустил в кресло, положив руки на мягкие подлокотники, закрыл глаза. Необходимо остыть от бурных дебатов, на время забыть недовольные физиономии партнеров, взбудораженных «нечестной игрой правительства против управляющих компаний». «Надо что-то делать, Алексей Михайлович! Мы потеряем клиентов, потеряем деньги». И цифры: рост, прирост; сравнения: в том году, в этом. А всего год назад Матиас не без гордости рассматривал бланк: «Капитал Ренессанс», генеральная лицензия ЦБ РФ 3177. Материалы годового собрания акционеров. Справка к пункту 2 повестки дня: «Утверждение Годового

отчета по итогам деятельности за 2003 год». Валюта баланса, изменение в рублях, в процентах, капитал, балансовая прибыль, ликвидные активы, выданные кредиты. И наконец резолюция Матиаса в верхнем левом углу: *«Копия – в средства массовой информации»*.

В этом году особо гордиться было нечем. СМИ отдыхают.

Прошла минута, другая. Секретарша по имени Александра успела принести кофе и удалиться, оставив после себя душистый шлейф дорогой парфюмерии и образ чистого, словно прошествовала по кабинету нагой, стройного тела.

– Давно не виделись, Михаил. – Банкир сделал маленький, официальный глоток кофе. – Что у тебя?

Косоглазов заговорил о наболевшем. О предприятии, отнятом у Матиаса. Как будто подслушал, стоя за высоченной кирпичной стеной, и явился поиздеваться.

Алексей Михайлович пока что, можно сказать, автоматически кивал и поддакивал: да, я просил немедленно сообщать, если в секретариате промелькнет что-то, связанное с деятельностью банка и моих управляющих компаний; да, в том числе и предприятий, акций, портфелей и прочего дерьма, пропади все пропадом!

– В каком списке он упоминался? – недовольно перебил Матиас собеседника. – К какому приказу?

Банкир принял несколько листов ксерокопий, закурил и взялся за чтение.

Совет безопасности РФ

Приказ №502/ПП-3

от ... сентября 2004 г.

Совершенно секретно

В связи с угрозой новых терактов, которые могут быть обращены в том числе и на объекты оборонной и стратегической направленности (далее – ООСН), приказываю:

1. Провести профилактические, практические и иные меры для предотвращения диверсий на режимных предприятиях (список прилагается).

2. Организовать «ролевые» оперативные мероприятия и определить для этой цели сводную группу (группы) лиц из сотрудников ФСБ и ГРУ; разъяснить цели и задачи данных мероприятий, которые заключаются в следующем:

– проникновение на указанный ими объект без оперативной, технической и агентурной поддержки силовых структур, действуя в реальной обстановке;

– использование в качестве информаторов (агентов) сотрудников ООСН любого ранга;

– использование муляжей массового поражения – взрывных устройств, отравляющих веществ, а также муляжей бактериологического и химического оружия.

3. Подготовить муляжи для каждого конкретного случая с действующими компонентами массового поражения в пределах допустимой нормы для обнаружения этих компонентов оборудованием, установленным на линиях контроля, защиты и обнаружения ООСН. Привлечь к данной работе экспертов технических отделов (подразделений).

4. Считать мероприятие завершённым в двух случаях:

– обнаружение на линиях контроля компонентов массового поражения и принятие конкретным ООСН мер по предотвращению диверсии;

– приведение в действие муляжа – «взрыв», «отравление», «облучение».

5. Привлечь к уголовной ответственности лиц конкретных ООСН, давших согласие на сотрудничество в качестве информаторов (агентов).

6. Строго рекомендовать группе лиц, определенной из сотрудников контрразведки и военной разведки, не раскрывать своей принадлежности к спецслужбам в ходе вышеперечисленных мероприятий перед кандидатами в информаторы. Немедленно докладывать о срыве вербовок для дальнейшего поощрения отказавшегося лица на роль информатора.

7. Ограничить контакты с группой лиц, определенной из сотрудников ФСБ и ГРУ, до схемы: руководитель – исполнитель, исключая всякую передаточную (посредническую) ступень во избежание утечки информации (пояснения в Приложении к настоящему Приказу).

8. Завершить «ролевые» мероприятия одновременно на всех объектах в 9.00 ... октября с.г.

9. Назначить ответственным за исполнение настоящего Приказа постоянного члена Совбеза Н.А.Груздева.

10. Настоящий Приказ распространить среди руководителей отделов управления военной контрразведки ФСБ и начальников секций 5-го управления ГРУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРИКАЗУ №502/ПП-3

Очевидно, что теракты последних дней спланированы в соответствии с единым замыслом. В одном из звеньев отсутствует очень важная оперативная информация, и силовые ведомства не могут опережать замыслы террористов. Несмотря на очевидность координации действий террористов из единого центра, здесь может вестись двойная или тройная игра: те, кто является конечным звеном террористической цепочки, не знают, по чьему заказу они действуют, а разные организации-исполнители могут намеренно выдавать себя за одну.

Во избежание утечки информации о профилактических, практических и иных мерах для предотвращения диверсий на режимных предприятиях настоящий Приказ распространяется среди руководителей отделов управления военной контрразведки ФСБ и секций 5-го управления ГРУ. Руководителям отделов-секций строго рекомендуется подойти к выбору группы лиц для осуществления мероприятий, нацеленных на обеспечение безопасности ООСН, со всей ответственностью и привлекать к работе только надежных и проверенных сотрудников своих подразделений. Немедленно докладывать о любых отклонениях в работе сотрудников, привлеченных к данному мероприятию, своим непосредственным начальникам.

Дальше шел список предприятий, выбранных Совбезом для проведения акции.

Алексей Михайлович, еще не успев мысленно высказать мнение о значении ценности этого документа, даже не представляя, как и каким путем суждено развернуться дальнейшим событиям, припомнил то слово, рожденное в кремлевском кабинете Груздева: изувечить...

И продолжение: посмотреть, как будет корчиться на медленном огне эта элитная жаба.

Пока никакого плана, но это сладкое видение чуть ли не влагой проступило на глазах банкира. Могло показаться, что он слезно благодарил Косоглазова. Однако вовремя вернул своему лицу чуть недовольное выражение: «Ничего информация». Стало быть, и оплата соответственная. Нельзя нарушать этот баланс, ибо майор-секретарь тут же сделает соответствующие выводы.

– Ты немного запоздал, Михаил, – банкир сдвинул ксерокопию приказа на край стола, – я решил продать свой завод, но не успел предупредить тебя. – Он улыбнулся. – Это первое. Второе, – банкир взял последний лист приказа. – Где ты увидел название моего предприятия?

– Ну как же? – Косоглазов встал и указал на третью строчку.

– Прочти вслух, – терпеливо попросил Матиас.

– НПО «ПриборЭкспо», п/я 172, – подчинился майор, ничего не понимая.

– «Почтовый ящик», – расшифровал банкир. – Закрытое учреждение, оборонка, Москва. Я же купил грозненский ЗАО «Прибор-Экспорт». Гроз-нен-ский!

«Черт!» – качнул головой Косоглазов. Лишняя пара букв в названии и незаметный дефис фактически лишили его денег. Зря старался, удрученно подумал он.

В комнате на несколько мгновений воцарилась тишина, после чего Косоглазов сделал попытку атаковать:

– Алексей Михайлович, вы не говорили о том, что завод в Грозном. – И прикусил язык: в списке вообще не упоминались ни города, ни села.

– Но все равно – спасибо. – Банкир открыл ящик стола и сунул в конверт пару сто долларовых купюр.

Выпроводив майора, Матиас срочно вызвал к себе шефа своей службы безопасности.

Герман Адамский явился через пару минут. У него был свой, не менее роскошный кабинет, только без книжных шкафов, расположенный этажом ниже. Адамский был в курсе всех проблемных дел своего босса, порой реагируя на них намного раньше. Его сотрудники выявили на ранней стадии три покушения на жизнь банкира. Хотя МВД, ФСБ и Генпрокуратура такими сведениями не располагали.

Герман сел напротив и взял предложенные шефом бумаги. Он прочел приказ и пояснения к нему дважды. За это время банкир успел выпить бокал шампанского, чуть приправленного коньяком.

– Отметил ответственное лицо за проведение антитеррористических учений? – поинтересовался он, отставляя бокал в сторону.

Буквально вчера Адамский прочел газетную статью, посвященную теме антитеррористических учений, «которые в обстановке строжайшей секретности проводились в аэропорту Воронежа». Тема напрямую соприкасалась с совбезовским приказом.

Статья называлась «Милиция проворонила «террористов» из ФСБ». Трое оперативников УФСБ Воронежской области, чьи приметы были заранее разосланы в отделение милиции аэропорта, должны были разными путями пронести муляжи взрывчатки в авиалайнер.

«Террорист» номер один проник на территорию летного поля, перемахнув через забор за контрольно-диспетчерским пунктом. Причем зря: чуть дальше было несколько удобных лазов. Он бродил по летному полю, «подходил к самолетам, похлопывал по фюзеляжам, шасси. Заходил в служебные помещения, травил с сотрудниками анекдоты и выспрашивал у них, как бы ему побыстрее вылететь в Москву».

Маршрут «террориста» номер два простерся до здания аэровокзала. У него были билет на самолет и российский паспорт с чужой фотографией и без личной подписи. Под одеждой скрывался пояс для похудения, а под ним – пакет с веществом, содержащим пластик. В кошельке хранился незаряженный электродетонатор и патрон для лампочки от карманного фонарика с проводами. Он беспрепятственно проник в зону предполетного контроля. «При прохождении через рамку металлоискателя он «зазвенел». «Террорист» выложил из карманов все металлические предметы. Детонатор с патроном от лампочки у него изъяли и пропустили дальше. Сидя в кресле самолета, офицер ФСБ признался, что на нем «пояс шахида».

«Террорист» номер три имел на руках старый паспорт СССР с фотографией, сделанной еще в 18-летнем возрасте. Его задержали и напомнили, что пора вклеить новую фотографию, отвели в отделение, составили административный протокол и отпустили. Он пошел к грузчи-

кам и договорился с одним «грузилой» за пятьсот рублей передать в Москву замотанный скотчем пакет. Тот согласился и передал посылку пилоту рейса ПО-774 авиакомпании «Полет», заплатив последнему сто рублей. Грузчика уволили, а в отношении пилота «рассматриваются меры дисциплинарного воздействия»¹.

«Да, – кивнул Адамский на вопрос шефа, мысленно повторяя за ним, – я отметил ответственное лицо за проведение антитеррористических учений». Воспроизвел вопрос дословно, будто оттягивал время.

– Что мы можем выжать из этого? – спросил банкир.

– Смотря какие цели ставятся, – ушел от прямого ответа Адамский.

– Сделай все, чтобы эта жаба – ты знаешь, кого я называю жабой – долго плавилась под моим паяльником. Лучше – лудильником.

– Нет такого инструмента, – мягко возразил Герман.

– Так изобрази его!

Адамский знал «жабу» по имени и что такое предприятие ЗАО «Прибор-Экспорт» тоже. Это раздолбанный завод, фактически голые стены, зато с государственным договором на восстановление солидной части разрушенного нефтегазового комплекса Чечни. Масштабная подготовка, предшествующая покупке грозненского предприятия, вылилась в преамбулу банкира: «В России, чтобы получать нормальную прибыль, нужно купить весь бизнес целиком. Был бы «Прибор-Экспорт» «дочкой» «Роснефти», я бы не стал тратить деньги зря, будучи съеденным «мамой». Специфика заключается в рабочих местах, занятости, местной политике и – главное – нефти. Попробуй съешь».

– Гаденыш! – снова взорвался Матиас. Он плеснул в бокал коньяка, запенившегося с остатками шампанского, и сделал приличный глоток. – Я могу поименно назвать банки, которые оперативно подчиняются ему, и все вместе они заинтересованы в покупке предприятия. Вот так, используя кремлевские рычаги, эти суки решили его судьбу в свою пользу.

Банкир прошелся по кабинету, остывая с каждым шагом. Теперь он привычно рассуждал вслух и будто не замечал Германа Адамского.

– То просится называться обычными разборками между Москвой и провинцией – если бы провинция не называлась Чечней. Груздев встал на капитанский мостик, плохо представляя себе, что творится в трюме, кубриках, что за матросы собрались на этом судне. Я могу легко поднять бунт на корабле и показать этому элитному гаденышу всю прелесть змеиного болота.

– Я могу взять эти документы? – спросил Герман, в очередной раз прослушав всю речевую гамму босса.

– Да. Я бы посоветовал тебе позвонить Руслану Гарееву. Вызови его, нужно поговорить с ним.

Они были на «ты». Тем не менее Адамский избегал «тыкать» начальнику – лишь в крайних случаях, когда он был недоволен боссом, пренебрегшим тем или иным советом.

Матиас указал на совбезовский документ в его руках:

– Мне кажется, это и есть руководство к нашему лудильнику.

– У меня вопрос.

«Можешь спросить», – жестом разрешил банкир.

– Пошел бы ты на крайние меры, если бы в списке проверяемых объектов значился грозненский «Прибор-Экспорт»? – И сам же покачал головой: «Вряд ли. Грозненское предприятие трогать нельзя, по поводу любого ЧП на нем скажут: месть банкира».

Банкир промолчал. Тем не менее спросил:

– Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

¹ Владимир Перекрест, «Известия».

Два дня спустя

– Откуда у тебя эти документы? – Как раз тот случай, когда Адамский грубо, будто показывал на него пальцем, «тыкал» начальнику. – Мне нужно знать имя человека, где он работает и каким образом он заполучил их. Кто он? Михаил Косоглазов?

Адамский задал несколько вопросов, делая небольшие паузы. Матиас ответил сразу, пакетом, на последний:

– Да, он. – Банкир пересел на диван и попросил Германа присоединиться к нему. Дотянулся до светильника и включил свет. – У тебя есть что-то конкретное?

– У меня есть конкретный план, но в нем Косоглазов проходит свидетелем.

Матиас некоторое время не сводил с собеседника глаз.

– Я не люблю этого слова. Свидетели нам не нужны. Тебе нужен нал?

– Да, и много. – Адамский назвал сумму. Матиас коротко покачал головой:

– Только не ошибись.

Он устроился поудобнее на диване, положив ногу на ногу, и слушал Адамского. План, рожденный в его аналитической голове, Алексею Михайловичу понравился. И даже сумма, которую запросил на это мероприятие Адамский, в этот раз ему не показалась большой. Если акция выгорит, он может рассчитывать на премиальные. Как всегда, рассчитывал на них и майор Косоглазов. Он же майор-секретарь, а теперь еще и свидетель.

– Стечение некоторых обстоятельств позволяет убрать майора и не навести подозрения на нас. В общем и целом я остался доволен работой парней Виктора Семенова.

Матиас кивнул. Семенов возглавлял службу наружного наблюдения. А вообще похвала из уст Германа прозвучала намеком на дополнительное вознаграждение.

– Они выяснили следующее, – продолжал Адамский. – Три дня назад майор Косоглазов подрезал на перекрестке «Жигули» шестой модели, в результате его джип «Паджеро» получил серьезные повреждения. Майор поставил его на ремонт, а сам пересел за руль «Тойоты», принадлежащей шурину. Последний имеет три машины и две квартиры.

– На чем он нажился? – мимоходом поинтересовался банкир.

Герман пожал плечами:

– Какая разница. Меня устраивает любая сфера бизнеса косоглазовского родственника. А нынче в любом бизнесе есть трения, конкуренты и их зубы.

– Про зубы я знаю больше тебя, – медленно и со злостью напомнил банкир. – Что еще?

– Еще конкретная работа: завтра Косоглазов едет в Чехов к матери. А сегодня...

– Сегодня приезжает Руслан Гареев, – снова напомнил Матиас. И рассмеялся. Руслан был наполовину ингушом, наполовину чеченцем. Ходячая боевая единица расколовшейся республики. – Когда мы впервые встретились, – вспомнил банкир, – он рассказывал, как в детстве его по-русски кормили с ложки: «За маму, за папу».

Этот разговор имел прямое продолжение. За маму Руслан совершал теракты в Чечне, а за папу-ингуша – в Ингушетии. За всех вместе – на всей беспредельной территории России. Он был близок к террористу №1, который допрыгнулся на минном поле, но с успехом прихрамывал в ту же Ингушетию мочить плохих «мусорных» ингушей и принимать помощь от хороших. Ему было тридцать пять. Высокий, сильный, сухопарый, светловолосый. Возглавлял боевой отряд при Министерстве экономики Чечни, держал под рукой до тридцати наемников – как чеченцев, так и «пришлых», к которым относились дагестанцы, русские, арабы. Все прошли хорошую подготовку в диверсионных лагерях и в любую минуту были готовы к работе.

Руслан приехал в Москву на второй день после звонка от банкира и первым делом отправился в его офис. Хотя была мыслишка позвонить в проездные ворота Боровицкой башни, залечь под парашютной стенкой и устроить подошвенный бой, обстреливая все, что находится на уровне брусчатки.

– Как такое могло произойти? – спокойно спрашивал Руслан банкира. «Прибор-Экспорт» контролировали боевики министра экономики Чечни, заинтересованного в поддержке столичных управляющих компаний Матиаса. Руслан Гареев лишь присутствовал на переговорах с держателями акций. Хотя в дальнейшем все рассчитывали поучаствовать не только в восстановлении нефтепровода, но и в законной прибыли от перекачки «черного золота», заключая, правда, фиктивные договора на долевое участие.

Пучаствовали. Все. Скопом.

– Что мы можем сделать? – спрашивал Руслан. – Кого поддавить?

– Никого, – уверенно отвечал банкир.

– Ты вызвал меня, чтобы сказать «ничего»? Сука, – вяло ругнулся Руслан. – Пойду куплю кино про Наполеона.

– Зачем?

– Хочу посмотреть на Москву, спаленную пожаром.

Матиас рассмеялся. Он выложил перед гостем столицы совбезовский приказ.

– Интересуешься безопасностью на режимных объектах?

– Зачем спрашиваешь? Не я, так другие заинтересуются.

– Герман кое-что выжал из этого документа. Прочти. Есть возможность получить полную информацию о работе служб охраны, слабые места, сильные стороны. Око за око.

– Ценная вещь, – воодушевился Гареев после прочтения и покивал коротко стриженной головой. Он был одет в черную кожаную куртку, майку. На шее массивная золотая цепочка. Матиас прикинул вслух:

– Да, не довелось для полного счастья повесить на твою цепь оригинальный кулон.

– Какой кулон? – не понял Руслан.

– Заветный пузырек с нефтью.

Гареев кисло усмехнулся и промолчал.

– Поговори об этом с Германом, – посоветовал банкир. – Вместе придумайте что-нибудь толковое. Поддавить никого не получится, а раздавить необходимо.

– Тебе деньги вернули? – спросил Руслан.

– Да. Банк принял деньги в половине первого. За минуту до прекращения всех операций с переводами и приемами платежей.

– И мне ничего не сказали. Приеду – устрою разборки.

– Не заводись прежде времени, – посоветовал Матиас.

4

Юрий Дудников с любимым автомобилем был на «ты». Отношение к тачкам было восторженно-поэтическим. Недавно он вернулся из недельного отпуска в Италии, где ему довелось погонять на «Ламборджини» с автоматической коробкой передач, и он доставал всех экзальтированным словоблудием:

– Вам приходилось слышать, как работает «Ламборджини»? Слышали хор из десяти бензопил, работающих абсолютно синхронно? Десять звучащих в унисон пил, рвущих из-под тебя как десятки мотоциклов! Не с постоянным ревом, а с натягом, с натугой пилящих нескончаемый ствол. Дерево то поддается, то уступает, а цепи на пилах то звенят, то переходят на приглушенный надрывный лязг. Но до того мелодичный, что хочется слушать эту силовую симфонию вечно!.. А как гудит асфальт под «Ламборджини», слышали когда-нибудь? Как он ловит

малейшие трещины, неровности, как аккумулирует под колесами и под днищем и передает эту симфонию в салон? Как гудит он на траве и взывает на асфальте, шуршит на песке и трещит на гальке, – эти переходы слышали? Но не оглушающие, а мягкие, как кошачье урчанье. Сотню урчащих кошек слышали когда-нибудь?

Сейчас Дудников вел угнанную «десятку», недавно, судя по всему, прошедшую капремонт, и мог подпортить свой лирический «исходник»: «Слышали рев бегущих к бензоколонке носорогов?»

Дудников никому не рассказывал, что он едва не угробил «Ламборджини». На автодроме, где он за пятнадцать кругов заплатил бешеные деньги, он на первом же плавном повороте, вписываясь в него, сбросил скорость. Коварный автомат потащил машину прямо на бетонную стену. Если бы не надежные тормоза «Ламборджини», она превратилась бы в груды бензопил и мотоциклов. Итальянский инструктор долго жестикулировал: за счет скорости выходи из таких поворотов, за счет скорости!

Вот уже десять минут Дудников следовал за не очень скоростным японским джипом, держась от него на почтительном расстоянии. Когда водитель «Тойоты» заметил за собой слежку, он прибавил газу.

Рановато, прикинул сидящий на заднем сиденье Владимир Рукавишников, одетый в кожаную куртку. Вместе с напарником они рассчитывали нагнать джип майора Косоглазова за постом ДПС в районе Львовского; тот, что находился в районе Быковки, они благополучно миновали. Теперь придется нагонять как «японца», идущего иноходью «четыре на четыре», так и время.

Владимир Рукавишников попал в поле зрения Адамского в 2001 году. Он фактически остался не у дел в синдикате так называемой «рыбной мафии», когда по заказу своих боссов разобрался с несколькими рыбопромышленниками. Его образ (но не имя) попал на полосу одной из центральных газет, описавшей то ЧП следующим образом. Поздним сентябрьским вечером 2001 года в контору одной из рыботорговых фирм в японском порту зашел молодой человек в серой куртке. Поприветствовав присутствующих по-русски, он выхватил пистолет и открыл стрельбу. Двух положил «наглухо», третьего случайно ранил, но добивать не стал, что говорило о его профессионализме. «Японию на какое-то время охватила паника: российская мафия перенесла свои разборки на ее территорию! Заговорили о неумолимо надвигающейся волне русского насилия, о десятках киллерах-профи».

Рукавишникова полиции задержать не удалось ни по горячим следам, ни по холодным. После покушения «наследник кровавого КГБ» скрылся на одном из российских рыболовецких судов, которые ежедневно заходят в японский порт, расположенный в нескольких десятках километров от Сахалина.

...Вечерело. Встречных машин, едущих в город, было несравнимо больше; обратный поток слабел с каждым километром.

– Догони его, чего телишься! – Рукавишников держал на коленях автомат Калашникова и недовольно покрикивал на товарища. Не нужно быть провидцем, чтобы предугадать действия майора Косоглазова, сидящего за рулем джипа: когда впереди обозначится пост ГАИ, а перед ним знак, ограничивающий скорость до семидесяти километров, – майор не станет убирать ногу с педали газа, он резко затормозит напротив постового: «За мной гонятся – вот эта машина, у них оружие».

Косоглазов обнаружил за собой «хвост» всего пару минут назад. Этого времени ему вполне хватило, чтобы позвонить в милицию и ждать помощи гаишников. «Ай-ай-ай», – качал головой Владимир, обвиняя во всем Дудникова. Тот не совладал со своим гоночным темпераментом и нарисовался-таки в зеркалах заднего вида джипа.

Рукавишников вздрогнул, когда Дудников, отчаянно жестикулируя правой рукой, выкрикнул:

– У него трафик! Смотри!

– Какой трафик? – не понял напарник, всматриваясь в дорогу.

Дорога плавно шла под горку, и в какой-то момент джип выпал из поля зрения. Но зато нарисовались на вершине очередного подъема два «КамАЗа». И только сейчас до Рукавишникова дошло, какой трафик имеет в виду Дудников. Встречный транспорт двигался все так же плотно, и джип, догнав «КамАЗы», не сможет обогнать их на полном ходу, во всяком случае, сделать обгон ему будет очень непросто. Он обязательно притормозит. А у «десятки» впереди около трехсот метров свободной полосы.

– Понял?

– Да. Действуй. Я готов.

Дудников утопил педаль газа, и «Лада» поперла вперед с огромной скоростью. То сразу отозвалось в ее чувствительных и словно подвижных боках, давлением на ветровое стекло, яростным шумом из-под днища.

«Лада» почти догнала джип, сбросивший скорость, но Косоглазов каким-то невероятным образом обошел первый «КамАЗ» слева. Дудников, рискуя, тут же пошел на обгон с другой стороны, цепляя правыми колесами обочину и удерживая «Ладу» короткими и резкими движениями руля. Гравийный град молотил по днищу, смешивался с косым пылевым дождем, бил по придорожным кустам. Еще чуть-чуть, ежился на своем месте Рукавишников, и джип и «десятка» окажутся бок о бок, фактически зажатые между двумя груженными десятитонными грузовиками.

Он переместился к левой дверце и опустил стекло. Перед глазами громадное колесо «КамАЗа», крутящееся с невероятной скоростью, в ушах рев двигателя и сирена, усиливающаяся с каждым мгновением, в ноздри бьет удушающий смрад выхлопных газов.

Рукавишникову показалось, что Дудников намеренно сбросил газ и ведет машину, еле еле удерживая ее, наравне с грузовиком.

– Газу, газу! – выкрикнул он, откровенно боясь неосторожного движения «КамАЗа». – Нервы, что ли, мои проверяешь?

И в одно мгновение понял, что окончательно вытолкнуть «Ладу» в кювет может более тяжелый и устойчивый джип. И наверняка сделает это, едва «десятка» обгонит грузовик. «Психи!» – ругнулся Рукавишников на водителей.

Он так и не понял, Дудников сбросил газ или водитель «КамАЗа» решил держаться подальше от разборок на трассе, но колесо грузовой машины, больше походившее на гигантский наждачный круг, надвигающийся на болванку, начало отступать.

Расстояние между «КамАЗами» было не больше тридцати метров, и вот в этом пространстве бились в воздушном мешке две машины. Слева – никакого маневра, поток встречного транспорта стал таким плотным, что казался полугрузовым железнодорожным составом.

Дудников, оставляя наконец-то обочину и обретая надежное сцепление с дорогой, отпустил джип вперед и по команде Рукавишникова был готов догнать его, снова поднимая пыль и щебень с обочины, и дать возможность ему отстреляться слева.

Сейчас майору не до телефонных звонков, уже более или менее спокойно думал стрелок, изготовив оружие. Для него главное – обогнать и второй грузовик, а там совсем близко родная милиция. Он сдался на этом бешеном этапе, хотя мог побороться и столкнуть преследователя в кювет. Может, он не такой уж лихой водитель.

В это время Дудников подогнал свою машину почти вплотную к джипу и резко взял вправо. И снова прибавил скорость.

А перед глазами автоматчика уже другие колеса. Ему показалось, что водитель джипа бросил руль и пригнулся. Не мешкая, Рукавишников придавил спусковой крючок, и «калашников» задергался в его руках.

Майора Косоглазова отбросило влево, и его руки автоматически вывернули руль в ту же сторону. Он был еще жив, когда его машина вылетела на встречную полосу, найдя свободный участок в этом сплошном потоке. В джип тут же вмазалась «Газель». И обе машины стали как вкопанные. Но то длилось какие-то мгновения. «Газель» получила удар от своего собрата «Соболя», идущего с транзитными номерами, в него въехали «Жигули» пятой модели.

Сошла на обочину, а потом в придорожные кусты и «десятка» – в сотне метров от речки Рожайки и в полукилометре от ДПС. Оставив оружие на заднем сиденье, Рукавишников первым выбрался из машины. Открыл багажник и перенес пластиковую канистру с бензином в салон. Брызнув на сиденье, поджег.

Дудников поднялся по пологому откосу и поджидал товарища на обочине. Сморщился, когда в сереющее небо взметнулся огненный факел.

Они пересели в синий «Форд», который все это время следовал за ними, и перекинулись с водителем красноречивыми взглядами. «Форд» развернулся и поехал в сторону столицы. Пробка на месте происшествия освободила трассу, и помех не было ни слева, ни по ходу движения.

На вопрос Адамского, как все прошло, Рукавишников сжато и не без намека ответил: «Как в Японии».

Глава 2

КАТЯ СКВОРЦОВА

5

– Когда к нам приходит запрос, мы ведем дело. Это касается и конкретного человека с конкретным обращением. В любом случае они начинают работать на нас. Вас устраивает такой вариант? – спросила Катя Скворцова бывшего полковника московского РУБОПа Николая Баженова.

– Да, – ответил Николай Николаевич.

– Хорошо, – коротко кивнула начальник отдела. Она принимала гостя в своем кабинете на Большой Дмитровке, смотрела в окно, расположенное справа от рабочего стола. Косые лучи ласкового сентябрьского солнца падали на телефонный аппарат, краем задевали широкий бокал с остывшим кофе и капелькой коньяка.

В своем вступлении майор Скворцова пропустила важную деталь: если дело окажется неинтересным для управления ФСБ, мелким и прочее в том же духе, никакого продолжения не будет. Впрочем, об этом не мог не догадываться и сам Баженов. Полковник милиции понимал, что здесь на слово не верят, его личность и его показания будут неоднократно проверяться по каналам ФСБ. И такие шаги наверняка были сделаны. Он попросил аудиенции, написав письмо на имя директора ровно три дня назад, и только сегодня его решили принять. Эти дни не прошли для оперативников ФСБ впустую.

Баженову было сорок девять. Плечистый, среднего роста. За последние годы его шевелюра поредела, и он выбрал для себя вариант стрижки наголо. С такой прической он здорово походил на актера Валерия Золотухина. Его прозорливый взгляд также поблек со временем, а непринужденную и спокойную манеру вести разговор стали портить нервишки.

– Наше здание нашли сразу, не плутали? – Скворцова решила позволить полковнику немного расслабиться и настроить его на разговор. Не дав ему ответить, продолжила с легкой улыбкой: – Однажды журналисты долго не могли найти нас, перезванивали, спрашивали. Я отвечаю: не там ищите, мы ближе к Кузнецкому Мосту. Они же махнули на Лубянку.

– Нашли? – спросил Баженов.

Катя рассмеялась.

– Минут через двадцать. Вы когда оставили службу, Николай Николаевич? – спросила она. При этом кисло, как показалось Баженову, улыбнулась.

Позавчера ровно в одиннадцать случилось событие, которое Катя поджидала с нетерпением. Хотя ее заверяли в успехе затянувшегося мероприятия, она все же не надеялась на благополучный исход. Возглавить отдел управления ФСБ – это огромный карьерный шаг. Катя полагала, что начальство приличия ради может потянуть резину. Плюс существуют общепринятые вещи, сроки и так далее. Наконец есть такое нехорошее слово «отработка». Вдруг ее ненавязчиво попросят отработать в каком-нибудь незavidном деле. Недопустимо ее появление в управлении с каким-никаким торжествующим ликом: «А вот и я! Новый начальник отдела». Самое разумное ее появление – под тяжелый и слегка и натужный генеральский скрип: «А... Вот и ты... начальница».

Начальник управления протестировал Скворцову именно тем взглядом, на который Катя побаивалась напоротья. Сама же не испытала даже намек на фанаберию, если говорить малость заковыристо и непонятно. Ничего подобного. Никто никому не должен, уверенно рассуждала она, будто впервые рассматривая бульдожью челюсть своего босса. Тем не менее

неожиданно ощутила на лице тугой и морозный порыв, отчего кожа натянулась, словно она стояла перед зеркалом и тянула ее руками к ушам, к затылку, прикидывая, как будет выглядеть после пластической операции. Жуткое зрелище. Лицо гладкое, без единой морщины, прорезиненное, но видны несмываемые следы от фломастера в районе надбровьев.

Скворцова действительно напоролась на отработку. Дело, доставшееся ей, нельзя было назвать ни сложным, ни простым, оно было для нее первым на должности руководителя отдела и начиналось с письма полковника Баженова с просьбой принять его по неотложному вопросу.

– Уволился я четыре года назад, – ответил Баженов.

– Почему?

– Хотя бы потому, что не мог отличить хорошего от плохого. Такое время.

– Из вашего обращения я поняла, что речь пойдет о преступной группировке «Группа «Щит». – Скворцова взяла небольшую паузу, пробежав глазами начало баженовского письма. Она была одета в брючную пару темного цвета, белоснежную кофточку.

– Я слышала об этой организации, – продолжила Катя, – навела кое-какие справки. У меня есть точная информация, что она прекратила свое существование в 1998 году. Не без вашего непосредственного участия.

– Да, я вел это дело. Получил его в разработку в 1996-м, через два года завершил. Но история не закончена.

– Давайте по порядку. Итак, «Группа «Щит»...

– Это федеральная структура, созданная по указу президента России ². Когда выяснилось, что «Щит» не имеет к МВД никакого отношения, а является чисто криминальной структурой, «посаженный» глава «Щита» неожиданно распрощался с жизнью. Было установлено, что к этому причастны бойцы отряда особого резерва «Щита», возглавляемого Сергеем Марковцевым.

Скворцова осталась непроницаема, хотя имя Сергея Марковцева ей было очень хорошо известно.

– Несколько слов о структуре этого подразделения, – Баженов решил остановиться на этой теме, – разведка, контрразведка, отдел планирования, группа дискредитации и вербовки сотрудников правоохранительных органов, группа особого резерва, о которой я упомянул. Последняя осуществляла силовые акты. Одним из руководителей оказался полковник милиции Леонид Зарецкий – позже его по приказу Марковцева убили из снайперской винтовки. Как таковая организация перестала существовать. С настоящим руководителем «Щита» все оказалось труднее.

– Почему? – спросила Скворцова для того, чтобы просто спросить.

– Поначалу его вычислили чисто теоретически, – объяснил Баженов, поглаживая свои сильно поседевшие усы. – Потом он обрел реальный образ. И стало понятно, что Генпрокуратура никогда не выдаст санкцию на его арест. Слишком высокий пост он занимал.

– Какой именно?

– Он занимал второе по значению кресло в правительстве России. По этому делу было много версий. Одна из них строилась на неординарном названии группировки, три первых

² Аналогом секретного подразделения «Группа «Щит», о котором идет речь, послужила реально существовавшая криминальная организация Федеральное сыскное бюро России, чьим делом занималось московское управление по борьбе с организованной преступностью. Она была создана по указу президента и министра внутренних дел России за номером 117-РПМ от 11 ноября 1992 года, в котором утверждалось «создание, регламентировался порядок присвоения этой тайной организации званий офицеров внутренних войск...». Задачи организации: «получение полной и достоверной информации оперативнее госведомств России и СНГ, внедрение сотрудников в органы власти, сбор информации из теневых структур, составление списка «нежелательных» граждан, физическое устранение лидеров преступных группировок». Членами этой организации стали видные авторитеты криминальных структур, которым выдавались удостоверения организации, оружие и разрешение на его применение, члены чеченских преступных группировок и высокопоставленные чиновники министерств и ведомств России. Во главе этой организации стоял бывший вице-премьер Российской Федерации.

буквы которого – ГРУ – красовались на удостоверениях агентов. Была попытка выявить главаря в самом «Аквариуме».

«Дальше», – кивком разрешила Скворцова.

– Выявлялись связи тех, кто попал под следствие. Но последние указывали на мертвых. Кто-то из подследственных уверенно показал, что название этого преступного синдиката пошло от имени его боевой единицы. Под руководителя «Щита» попали высокопоставленные чиновники, фиктивные документы обрастали подлинными, так что со временем трудно было отличить настоящее от ложного. Следы их преступной деятельности вели и в другие крупные города России.

Катя отчасти понимала пасмурное настроение гостя. Он не может избавиться от ощущения, что ведет разговор про убийства... с представительницей Министерства образования.

– Как я уже говорил, дело не было доведено до конца, на скамье подсудимых оказались рядовые члены преступной группировки, исключая, конечно, Сергея Марковцева, а руководитель остался в стороне. Мало того, он возобновил прежнюю деятельность. Вот уже пару лет я по собственной инициативе собираю материалы на некую мощную организацию, следы которой ведут в 1992 год.

– «Группа «Щит» возродилась, это вы хотите сказать?

– Да. Можно сказать, из пепла.

– И поставила перед собой более масштабные задачи?

– Насчет задач не знаю. Но складывается впечатление, что она олицетворяет собой целое сообщество, которое никогда не устраивает ни съездов, ни сходов. Часть живого организма. Если и дальше сравнивать, то каждое утро происходит врачебный осмотр: как чувствует себя тот орган, как другой. При необходимости происходит лечение. Тем не менее не весь организм должен чувствовать себя одинаково хорошо. Существует что-то вроде принципа: голова в холоде, желудок в голоде, ноги в тепле.

– Хорошее сопоставление, – индифферентно похвалила Скворцова.

– У меня их несколько. Компьютерная игра «Сим-Сити», слышали?

Катя сделала туманный жест:

– Краем уха. – Она знала человека, который мог проконсультировать ее по этому вопросу: ее тринадцатилетняя племянница. Она играла в «Сим-Сити», в «Герои меча и магии», в какой-то «Симс» и прочее.

– Я объясню принцип игры, – настоял Баженов.

– Я представляю...

– Не надо себе ничего представлять, – грубовато перебил собеседницу полковник. По его покрасневшему лицу было видно, что он распалился и его не остановить. Действительно, нервы ни к черту, мысленно согласилась с ним Катя, слушая о «целенаправленном коррумпировании силовых органов», о том, что «капитан милиции покупает своей невесте новенький «Мерседес» и едет вслед на своем «мерсе».

– Я поняла, о чем вы говорите. Вы пришли объяснить мне экономическую политику России?

– Я строю на ней нашу беседу.

«Точнее, свой монолог», – мысленно поправила полковника Катя.

– Преступность в России поддерживается почти официально. Через определенные структуры идет их финансовая подпитка. И не надо искать ни арабских, ни европейских спонсоров. Они в России.

– Ничего себе – «Сим-Сити»! – подковырнула полковника Скворцова.

– Не надо иронизировать, – устало попросил Баженов и возобновил вопросы на засыпку. – Возможен крупный теракт без денег? Возможен он без коррумпированной милиции? Вы скажете, что есть отдельные страны, где преступности нет совсем. Но они живут за

счет преступности в других странах. В Америке больше не взрывают дома, нет взрывов в метро, нет захватов школ и так далее. Но Америка питается за счет преступности в других государствах. Мало преступности – Америка разжигает ее очаги по всему свету. Россия в отличие от Штатов разжигает преступность на своей территории.

Скворцова перебила собеседника жестом:

– Оставим это за кадром. У вас есть доказательства причастности конкретных лиц или организаций к финансированию террористов?

– У меня есть конкретные организации и конкретные имена. А доказательств нет, их нужно собрать. – «Черт, ей, наверное, идет военная форма, – прикинул Баженов. – Прокурорский кителек ей к лицу». Он определил возраст Екатерины Скворцовой в тридцать лет и по-джентльменски скинул год. – У меня уже есть порядочное досье на этих людей. Бывший глава «Щита» – уроженец Латвии Алексей Матиас, он же бывший вице-премьер, ныне финансист, председатель совета директоров группы банков под общим названием «Капитал Ренессанс ADV». Аббревиатура, как я понял, от английского слова «advantage». Преимущество, выгода, не знаю, как правильно.

– Сколько банков входят в эту группу?

– Шесть. Они занимаются преступным бизнесом *в том числе*, – сделал ударение Баженов. – Вообще в России около полутора тысяч банков, но по-настоящему крепких всего три десятка.

– Давайте поговорим о конкретных вещах. Произошло что-то неординарное, так?

– Мне поступил телефонный звонок от майора Косоглазова, он работал в секретариате Совбеза на вшивой, в общем-то, должности. Раньше он был в моем подчинении, работая в РУБОПе.

– И что сказал Косоглазов? – Катя записала его фамилию на листке бумаги.

– Разговор был очень короткий. Из него я понял, что Косоглазов сбросил Матиасу какой-то секретный документ и теперь опасается за свою жизнь.

– Можно сделать вывод, что майора на «вшивую» должность устроил сам Матиас и приплачивал за конкретную информацию.

– Все так. Только не знаю, доказывает ли это убийство Косоглазова.

– Его убили? – Напротив фамилии майора Катя поставила жирный крест.

– Расстреляли из «калашникова». Официальная версия следствия – «перепутали» жертву. Он ехал на машине своего зятя или шурина, а у того были какие-то трения с конкурентами. Это случилось на следующий день после нашего разговора.

– Почему он обратился именно к вам?

– Мы пару раз беседовали с ним. Он знал, что я собираю на Матиаса материалы.

– И он, работая на Матиаса, не сообщал ему об этих беседах. Разумно. В вашем лице он приобретал тоже что-то вроде защиты на случай, если у него возникнут трения с банкиром. Тем более что вы лицо частное и «непробиваемое», и с серьезными намерениями.

– Так, наверное. Но если бы я зашел далеко, вот как сейчас, он бы сдал меня.

– Что его насторожило, может быть, почему он сопоставил слив секретной информации с покушением на него?

– Обычно Матиас возвращал бумаги, которые его не интересовали. Попросту говоря, не хотел марать руки.

– Звучит не очень убедительно.

Баженов развел руками: «Других объяснений нет».

– Хорошо. – Катя легонько хлопнула по столу. – Оставьте мне ваши бумаги, я поработаю с ними. Позвоните мне... скажем, через два дня. – Она черкнула номер своего рабочего телефона. – Если возникнут вопросы, я сама с вами свяжусь.

Она обошла стол и попрощалась с полковником за руку.

Оставшись в кабинете одна, Катя позвонила начальнику управления и попросила принять ее. Тот назначил на шесть вечера. Есть время подумать и ознакомиться с бумагами Баженова.

Те шесть финансовых организаций, о которых говорил полковник, оказались управляющими компаниями, они же «дочки» «Капитал Ренессанса», довольно приличное досье на каждую.

Первой из них значилась «Финансы Ренессанс», вторая по списку – ЗАО «Менеджмент-Плюс». Эта шестерка управляющих компаний не могла регулировать коррупцию и преступность в России «путем не только своих капиталов» – тут сильное преувеличение. А вообще тема не нова, и Катя допускала, что в принципе такое возможно. Он правильно заметил, думала она о Баженове: это сообщество никогда не устраивает ни съездов, ни сходов. И вот появилась возможность узнать организации, боком ли, задом ли, но все же стоящие за распределением финансов между преступностью, терроризмом, коррупцией, экстремизмом, что практикуют почти все преступные группировки.

На взгляд Скворцовой, эта шестерка походила на адвокатское сообщество, представляющее интересы преступных сообществ. Можно установить связь между ними и террористическими организациями, выявить факты финансирования, а что дальше?..

Скворцова приехала в управление за четверть часа до назначенного времени. В коридоре встретила знакомого подполковника и проговорила с ним десять минут. Вернулась в приемную как раз в тот момент, когда начальник военной контрразведки Котельников вышел из кабинета, передал секретарше какие-то бумаги и поманил Скворцову за собой.

Они сели за длинный стол заседаний, в середине которого стоял раскидистый куст алоэ. Первый раз Катя увидела его три дня назад, но спросить о его назначении не рискнула, была больше озабочена своим новым назначением.

Ее доклад начальнику управления занял пятнадцать минут. Котельников ни разу не перебил, не задал наводящих вопросов.

– Почему ты решила привлечь Марковцева?

– Евгений Антонович, на него можно смотреть двумя глазами.

– Открыто, что ли? – не понял генерал.

– Да нет. Одним глазом – как на бывшего главу группы особого резерва «Щита», другим – как на агента Главного разведывательного управления. – Скворцова для наглядности прикрыла сначала один глаз, потом второй.

– Он работает на ГРУ?

– Похоже, – неопределенно ответила она и подала совет: – Сделайте запрос через Главное управление контрразведки.

Котельников сделал проще – он связался с начальником разведуправления по спецсвязи.

– Чем вызван интерес к этому человеку? – спросил генерал армии.

– В данное время мы разрабатываем одну группу, на наш взгляд, причастную к финансированию террористов. В одном из вариантов, предложенных майором Скворцовой, рассчитываем на связи Марковцева с главным фигурантом.

– Много дыма. Рассчитываешь разогнать его с помощью женщины и на полном скаку? Более конкретно можешь пояснить?

– Извини, Игорь Александрович...

– Руками разводишь?

– Как ты догадался?.. После можешь поинтересоваться у Марковцева.

– Это само собой. Я перезвоню.

Начальник военной разведки перезвонил через десять минут. Перед этим Котельников с удивлением взирал на порозовевшие щеки Скворцовой. Мог поклясться себе, что слышит ее голос: «За каким чертом вы назвали мою фамилию?!»

Катя действительно негодовала на генерала. Она не готовила Марковцеву сюрприз, но ей было бы в сто раз легче встретить его иным образом.

– Скажи, куда и в какое время подойти моему человеку? – резко попросил начальник ГРУ.

– Профильный отдел на Большой Дмитровке.

– Наслышан об этой конторе. Хочу предупредить тебя, что Сергей Марковцев попал под правительственный указ, освобождающий его от уголовного преследования.

– Я преследую другие цели, – в тон собеседнику ответил Котельников. – Как оформим договоренность?

– Письмом на мое имя. Марковцева в нем отметить как подполковника.

И начальник ГРУ первым положил трубку.

6

Катя не могла настроиться на предстоящую встречу с Марковцевым. Она взяла за основу отправную точку, день 26 сентября 2001 года, когда они виделись последний раз. И мысли путались еще больше.

Она не переставала твердить Сергею: «Уезжай. Ты заработал денег, чего тебе еще надо?» А он все молчал. Один раз только воткнул, как всегда, что-то непроходимое: «Через три дня именины прабабушки Антихриста. Она родилась 29 сентября 1863 года. Отпраздную и уеду».

Тогда она вспылила: «Марковцев, у меня есть дела поважнее, чем просто смотреть на тебя. И мне не нужен *деловой* партнер». Сергей тоже поднял тучу пыли: «Ну и катись к черту!» Она обозвала его ослом.

Вот на этом они и расстались.

Катя любила Сергея. Она проплакала до самого дня рождения чертовой прабабушки. Как сопливая девчонка, она пыталась вспомнить другую дату, когда она полюбила Марковцева. Вот так, ни много ни мало. Наверное, поняла это, когда он, неожиданно остановив ее в коридоре профильного отдела, вдруг сказал: «Ты любишь меня?» Она покрылась румяной корочкой и... обозвала его дураком.

Прошло три года. Кого она увидит, осла или дурака? «Такую женщину просрал!» – ругалась Скворцова. У нее были мужчины, некоторые делали ей предложения, но ей хотелось настоящего уютного домашнего тепла.

Три года – это не три месяца. Оба изменились. Кате казалось – она поменялась больше. Вроде как состарилась. О, моль полетела. Не из вашего ли бюстгальтера?

Господи! – она ужаснулась сентябрю месяцу. Этот чертов Марковцев может поздравить с наступающим днем рождения. Не дай боже, открещивалась Катя.

Она в десятый раз подошла к зеркалу поправить прическу, одернуть рукав приталенного жакета из коричневого букле и всякий раз видела позади чуть насмешливые глаза Сергея: «Прихорашиваешься?» Да, блин, делать мне больше нечего. Пару раз посмотрела, как сидят на носу модные очки в тончайшей оправе, даже придумала шутку. Марковцев спросит: мол, слабое зрение? А она немощно так ответит: очень слабое – ноль пять, слабее не бывает. И только что не рухнет головой на стол.

Нет, очки сразу надевать не стоит, с ними у нее лицо телевизионной национальности. Лучше естественно прищуриться, взгляд будет малость беспомощный, чуточку хищный и натурально недалёковидный. Дура дурой.

Она припасла еще одну домашнюю заготовку. Выставит на стол бутылку вина и скажет-намекает: «Зажиточная тетенька ищет компаньона со стаканом». И тут же возникнет какая-то гармония. У нее эротичные, соблазняющие духи «Диор Аддикт», трогающие сердце самого неприступного мужчины, у него одеколон «Балдессарини», этакий проводник самых

благородных и мужественных помыслов. Она такая чернобровая и такая белолица, а он ужасно талантливый. Круто.

Она рассмеялась. Как раз в это время вошла секретарша. И доложила. О ком – понятно.

Скворцова не успела ни сесть за стол, ни надеть очки, ни прищуриться. Она гнала прочь улыбку, отчего губы сложились в бантик, а со стороны казалось, она целует Марковцева на расстоянии. Едва она ослабила этот коварный узелок, как губы поползли в разные стороны. И еще одна попытка убить это произвольное изъятие самых что ни на есть подлинных чувств. Она стояла с поджатыми губами, с ямочками на щеках, соблазнительно пахла и материлась про себя. А Марковцев, эта сволочь, даже не поздоровался. Стоит и молчит, смотрит, ждет, когда заговорит хозяйка кабинета.

Катя взяла себя в руки, собрала пальцы в щепоть и поднесла к лицу:

– Ты чуть-чуть, – она немного раздвинула пальцы, – всего-то ничего – постарел.

– Вряд ли, – наконец-то услышала она давно забытый голос. – Между старым и коллекционным огромная разница.

– А-а... Так ты у нас из коллекции... Отрадно.

– Тренируешься?

Катя мгновенно насторожилась. Ей показалось, что Сергей во время ее ужимок перед зеркалом наблюдал за ней, проник в ее мысли и задал вопрос: «С отражением все в порядке?»

– В каком смысле – тренируюсь?

– От фонаря ляпнул, не обращай внимания.

Он подошел ближе и взял Катю за руку. За щепоть, которую она, как фигу, продолжала держать.

– С какими помыслами ты это делаешь? – спросила она, соображая, как взять инициативу в свои руки. Насколько она знала Марковцева, а знала она его хорошо, тот заходил в тупик от ее вопросов. Всегда коварных, заключалась ли в них логика, были ли они абсолютно бессмысленными.

– Что? – переспросил Сергей.

– От фонаря ляпнула, не обращай внимания. – Ей захотелось дернуть его за короткую бородку-эспаньолку, а потом за длинные, прикрывающие наполовину уши волосы. Она видела его и таким, и наголо бритым. Что удивительно, облик его не менялся.

Она отпустила щепоть и, чуть поведя рукой, словно проводила кистевой прием, сцепила пальцы на ладони Сергея.

– Здравствуй, Марковцев. Рада тебя видеть. А ты? Взаимно, что ли? Как живешь? По-прежнему питаешься адреналином?

– Гормонами.

– Это одно и то же. С генетического пути не свернешь. Ну ладно, поплакали, теперь к делу. – Она заняла рабочее место, переложив на столе какие-то бумаги. – Алексей Матиас – знакомо это имя?

– Я о нем ни слова на суде не сказал, думаешь, сейчас отвечу?

Катя рассмеялась.

– Присаживайся.

Марковцев приблизился и остался стоять. Только что не согнулся и не облокотился на стол, подперев рукой подбородок. Потом запоздало оглядел рабочие хоромы Скворцовой и удовлетворительно покивал: «Нормально». Покосился на приемную: «Демократично».

– Сам иногда мечтаю о своем кабинете, но тут же гоню видения прочь: что я буду делать в четырех стенах? Как в склепе. Жуть.

Он теряет, заметила Катя. Стесняется. Не в своей тарелке. Впереди долгий вечер, часть ночи, а может, и вся ночь. Время, которое оба проведут вдалеке друг от друга, но думая друг

о друге, улыбаясь, хмурясь, разочарованно качая головой, вздыхая, гоня прочь воспоминания и неловкость, которая зародилась днем и явилась на свет ближе к ночи.

– Вижу, за четыре года здесь многое изменилось.

– Да, – подтвердила Катя. В 2000 году она была оперативным офицером в звании старшего лейтенанта. Через год ее повысили в звании и поставили во главе оперативной группы. Теперь она руководит подразделением. – Упразднили группу боевого планирования, увеличили оперативно-следственную, – перечисляла она. – Дважды сменилось начальство, один раз кабинет начальника.

– Я сразу заметил, что те две смежные комнаты пропитаны какой-то заразой. Натуральная приемная в лепрозории.

– Не знаю, не замечала. Как тебе живется-работается в «Аквариуме»?

– Теперь он с подачи министра называется по-другому – «глаза и уши» государства. Все остальное уже разобрали. Кто-то урвал мозг, кто-то сердце, кто-то стал счастливым обладателем органа, от которого, когда он встает, мозги перестают соображать. Так что живу – уши вяннут, работаю – глаза щиплет.

– Знаешь полковника Баженова? – спросила Катя, дождавшись, когда Сергей наконец-то устроится за столом. Нужно переключаться на деловой лад, резко, оставить в стороне пикировку.

– Да, знал такого человека, – нахмурился Сергей. – Он брал меня в Новограде в 98-м. Мы будем говорить о нем? В самый раз – у меня паршивое настроение. Когда сел в такси, водила врубил Эминема. Слышала стук в дверь – громкий, безапелляционный, требующий, настырный, идиотский?

– Много раз, – призналась Скворцова. – И всегда обнаруживала за дверью тебя.

– Я-то что. Купи диск Эминема.

– Со своими домашними общаешься? – Катя резко свернула в сторону. И это последний маневр. За ним – дело и только дело.

– Для всех я – труп, – отозвался Сергей. – Поэтому плохого о себе никогда не слышал.

– Везет тебе. Прямо ягненок. Так сколько твоей дочери? – Скворцова продолжала гнуть семейную линию. – Двадцать три, кажется?

– Двадцать четвертый пошел.

– Хороший возраст.

– Для нее – да. Давай лучше про Баженова поговорим.

– Поговорим про Алексея Матиаса. Как думаешь, он обязан тебе?

– Я ему обязан, – после недолгого раздумья ответил Сергей, прикидывая, куда ветер дует, к чему все эти вопросы, к чему Скворцова ворошит прошлое, оперирует знакомыми именами. – В зоне каждый день ждал, когда меня грохнут. Матиас и сам страшный человек, а вот люди в его услужении еще страшнее. Он не просто богатый человек, *он человек состоявшийся*. Он так подал себя в свое время и с той поры не менял этой вывески. Он человек незаметный. Я думаю так: он простил меня. Во-первых, за то, что меня вычислили, а потом арестовали. А вообще он забыл, что я существую. Фактически я исчез четыре года назад, когда сбежал из колонии. Он слышал про меня в качестве обугленного трупа. По версии следователей, я сгорел в котельной.

– Кому ты это рассказываешь! – усмехнулась Катя. – Из-за твоей идиотской выходки меня едва не вышибли с работы. Мы бы вытащили тебя из зоны.

– Не люблю ходить в должниках, ты же знаешь.

– Ладно, к делу. Сейчас Матиас председатель совета директоров группы банков «Капитал Ренессанс».

– Слышал. – Сергей вынул сигареты, кивком спросил разрешения и прикурил. – Недавно про него статью в газете прочитал. Он что-то про инвестиции пенсионных накоплений в ценные бумаги гнал. Лично у меня отбило охоту стать пенсионером.

– Подумай над следующим. Матиас случайно узнает, что ты жив.

– Что? – Сергей от неожиданности поперхнулся дымом и закашлялся.

– Марковцев жив, – повторила Катя, оставшаяся довольной произведенным эффектом. – Прикинь разные варианты, но с одной отправной точкой: для него ты как был исполнителем, так и остался.

Сергей вспомнил, как три года назад он сидел перед видеокамерой. «Я, Марковцев Сергей Максимович, подполковник в отставке, специальный агент управления оперативной разведки ГРУ Генштаба, 20 июля текущего года получил задание выехать для оперативно-розыскных мероприятий, связанных с хищением вооружения с законсервированной базы морского спецназа, в дагестанский поселок Южный. Моим напарником был специальный агент ГРУ Родион Ганелин, проходивший службу в составе диверсионно-разведывательного отряда «Гранит». От начальника отдела он получил приказ «поменять мой профиль работы», что на языке оперативных работников означает физическое устранение. Однако, прибыв с осмотром места происшествия на остров Приветливый, я...»

Сергея до сей поры тяготили события 2001 года, когда он был вынужден убить своего коллегу. Он много убивал в своей жизни, но еще ни одна смерть не давила на него так сильно.

Он вспомнил об этом интервью как бы на фоне своего обугленного трупа. Пятьдесят на пятьдесят, что Матиас видел этот репортаж, а если не видел, ему при случае об этом напомнят. Однако именно репортаж стал причиной разрыва отношений между Марком и военной разведкой – для главы «Капитала» это проще трешницы. Тем не менее за плечами Марковцева еще несколько спецопераций, которые лично курировал начальник военной разведки.

Выслушав Сергея, Катя покивала:

– Такое развитие событий нам на руку. Ты работал на ГРУ, но, как правильно заметил, порвал с военной разведкой все отношения. Собственно, факт, который не нуждается в доказательствах.

– Все так, но если Матиас начнет меня проверять, он обязательно выйдет на генерала Прохоренко.

– Почему?

– Проверка будет проходить по типу маршевой лестницы, – объяснил Марковцев. – Она начнется с рядовых сотрудников профильного отдела: я проходил здесь как секретный агент, а Прохоренко напрямую руководил им. Когда я снова попал в «Аквариум», Прохоренко к тому времени стал начальником оперативного управления ГРУ. Собственно, с этого все и началось. Я оказался самым шумным скелетом в его шкафу, и он решил обрубить на мне все концы.

Катя знала об этом. В то время она напрямую участвовала в секретной операции по уничтожению диверсионного центра боевиков в Азербайджане. Похерить истинные планы военной контрразведки у генерала не получилось.

– Но я в какой-то степени помог генералу отмазаться, – продолжал Марковцев. – Где он сейчас, я не знаю. По линии ФСБ найти его и задать несколько вопросов для Матиаса труда не составит. Он давно имеет влияние на некоторых высокопоставленных офицеров службы безопасности.

– Прохоренко был назначен на должность начальника оперативного управления ГРУ в июле 2001 года, – вспоминала Катя о своем незадачливом руководителе. – Был уволен со службы в начале ноября того же года. За четыре месяца едва ли успел привыкнуть к новой должности, ничего толкового не сделал, больше навредил.

– Где он сейчас?

– До недавнего времени он работал в Пскове. Скорее всего и сейчас там же. Пожалуй, ты прав, Сережа. Если дело с твоим внедрением в синдикат Матиаса выгорит, то банкир начнет пробивать тебя и поднимется до генерала Прохоренко. За деньги или по другим причинам, но он ответит на интересующие Матиаса вопросы.

– Во-первых, на тщательной проверке стоит его начальник экономической безопасности. Ему во что бы то ни стало нужно будет установить, где и как я провел эти три года.

– Одну секунду.

Скворцова набрала номер начальника управления и попросила того к телефону.

– Евгений Антонович? Скворцова. Я по делу Баженова. Мне нужно связаться с Борисом Прохоренко, вы не могли бы предварительно переговорить с ним? Заодно сбросьте мне его номер телефона. Что? Нет, ни теплой водки, ни потного мужика я не хочу, что вы! – ничуть не смущаясь, она отвергла насмешливое предложение генерала. – Спасибо большое.

Через пять минут Катя услышала густой бас в телефонной трубке. Живо представила себе пятидесятичетырехлетнего генерала Прохоренко, высокого, тучного, изрядно полысевшего.

– Борис Викторович? Екатерина Скворцова беспокоит. Так точно, профильный, сейчас возглавляю подразделение. Спасибо. У меня возникли некоторые вопросы, которые желательно разрешить в ближайшие день-два. Не против, если к вам подойдет мой человек? Он вам все и объяснит. Какая погода в Пскове, Борис Викторович? И здесь то же самое, никаких отличий. Большое спасибо, товарищ генерал, и всего хорошего.

Марк перехватил взгляд Скворцовой и покачал головой. Он в очередной раз понял, что от судьбы не уйдешь. Пусть даже под прикрытием, но он снова возвращался к человеку, по заказу которого он убивал. С именем Матиаса началась преступная деятельность подполковника Сергея Марковцева.

– Алексей на чем-то погорел? – спросил он.

– Замазался, лучше сказать. Есть основания полагать, что он причастен к финансированию террористов и к убийству майора Косоглазова. Последний, работая в Совбезе, сбросил Матиасу какой-то секретный документ. Наверное, это послужило поводом к устранению майора. Все это мы и хотим выяснить.

Марк усмехнулся, когда услышал заключительные слова:

– Кто знает, Марковцев, может, тебе дается шанс поставить в этом деле последнюю точку. Будем готовить тебя к внедрению в новый синдикат Матиаса. У меня широкие полномочия по этому делу.

– Заодно закажи мне надгробный камень, – мрачно посоветовал Сергей: – «Ему ботинки жали. Но теперь уже не жмут».

Катя остановила его, едва он дошел до двери.

– Марковцев, почему не напросишься в гости? Не хочешь быть самоуверенным?

– В каком смысле?

– Ну, первое, что я отвечу: я не одна. И ты мне не поверишь. А я не оценю. И скажу тебе: «Делай выводы».

И она склонилась над какими-то бумагами.

Припасенная бутылка вина так и осталась нетронутой.

Катя оказалась права. Они были далеко друг от друга, но думали друг о друге. Сергей вернулся домой, прихватив по дороге бутылку водки. Приготовив нехитрую закуску, он расположился за столом. Включил настольную лампу под зеленоватым абажуром, налил водки и надолго задумался.

Он часто вспоминал Катю. Но никогда не приходили мысли позвонить ей, встретиться. Для него она осталась в прошлом. Или в памяти – что порой одно и то же. Ему не хотелось знать, где она работает и как живет, счастлива ли. Ему проще было прятаться за своим вообра-

жением. Да, она в жизни счастлива, в работе удачлива, в общем и целом благополучна. Иначе и быть не могло.

Сергей улыбнулся. Он вспомнил, как после нескольких месяцев разлуки встретился с Катей на Кузнецком Мосту. «Что с тобой? – спросила она, когда Сергей обнял ее, не обращая внимания на прохожих, вынужденных обходить остановившуюся парочку. – Нам что, шестнадцать? Обнялись средь бела дня! На нас смотрят».

Потом ее взгляд погрузнел. Она спросила, имея право на вопрос, но не имея права на ответ: «Ты придешь домой?»

Ее дом был и его домом тоже. Она ждала его. И тогда, и сейчас.

Тогда он не ответил. Или отшутился: «Мы жили счастливо. Пока не встретились». Уже точно не помнил. Был в бегах, загружен работой. Что может быть хуже? Как в таком положении ответить *правильно*? Никак. Потому оставил ее вопрос-требование-надежду без ответа. Заговорил о деле и получил в конце разговора по заслугам: «Марковцев, ты плохо кончишь. Дело лишь во времени».

Сергей выпил и закурил. Во рту горечь, в мыслях и душе то же самое. Послезавтра он снова встретится с Катей. Завтрашний день – это испытательный срок. Он должен подумать, дать согласие или отказаться от агентурной работы. Мог не тянуть резину, снять телефонную трубку и позвонить. У него была масса оснований отвергнуть предложение, точнее, придумать эти основания. А соглашался он по одной простой и в то же время очень сложной причине...

7

Катя не стала объяснять, как специалисты ФСБ установили контроль над частичными средствами связи Алексея Матиаса. Располагая фактически неограниченными финансовыми возможностями, банкир имел на вооружении самые современные средства связи и реально применял на практике криптографии не только в компьютерных системах, но и в сотовой связи.

Электронщики исключили прямую атаку на ключ ³ и пошли по другому, более привычному пути, избрав метод, называемый «атакой с подменой ключа». Эта атака зачастую основана на нападении на протокол обмена ключами, чтобы впоследствии расшифровывать каждое сообщение своим ключом и затем зашифровывать его с помощью другого ключа перед отправлением адресату. А стороны будут иметь иллюзию секретной переписки.

И еще одна причина, по которой Скворцова не стала вдаваться в специфические тонкости. Причина могла вылиться в начало отечественного сериала про Шерлока Холмса с Василием Ливановым и Виталием Соломиным в главных ролях: «В начале прошлого века, когда не было еще самолетов, чтобы гнаться за преступниками, не было вертолетов, чтобы выслеживать их с воздуха, не было даже радио, чтобы объявить их приметы – жил в Лондоне и прекрасно обходился без всего этого великий сыщик Шерлок Холмс». В мире высоких технологий, компьютеров, микрокамер, ядов и прочего агент российской военной разведки Сергей Марковцев прекрасно обходился без всего этого. Если говорить по старинке, то все, что было нужно Марку, – это верный глаз, твердая рука и хорошее оружие. И его по большому счету не должно волновать, какие новейшие системы атак и взломов на секретные линии связи противника были использованы группами обеспечения.

И все же Сергей задал вопрос, как вышли на обмен секретной информацией банкира.

³ К примеру, самый удачный отечественный ГОСТ 28147-89 – это симметричная блочная криптосистема, и ключ у нее 256 случайных бит. Для прямой атаки на ключ придется перебрать все 256 ключей, что физически нереализуемо. Антон Тульчинский, «Компьютерра».

– Через сотрудницу его фирмы, – неопределенно ответила Катя. – Секретарша скачивала бесплатные тайтлы через пиринговые сети. А это сильно снижает безопасность корпоративных сетей и увеличивает Интернет-трафик.

Сергей пришел к выводу, что роль начальницы ей идет. Не должность, а именно роль. Она пока что играла, приучала себя быть строгой к подчиненным, и по отношению к себе казалась излишне требовательной. Временами сбивалась и снова становилась той Катей Скворцовой, которую Сергей знал и хотел видеть именно такой. Он словно обменялся с ней информацией, невольно отпустив комплимент:

– Мне кажется, ты никогда не ошибаешься.

– Ну, такое изредка случается, – улыбнулась Скворцова и многозначительно подняла палец. – Но со ссылкой на фатальную неизбежность. Всегда мечтала быть слабой и защищенной, но вынуждена быть сильной, – вздохнула она. – Я не пробудила в тебе защитных инстинктов?

«Да, я оказался прав», – подвел итог Сергей.

Катя положила перед ним несколько фотографий.

– Безопасностью Матиаса занимается Герман Адамский, бывший полковник ФСБ. Один из «модных» в России еврейских типажей. Вот один из его боевиков – Владимир Рукавишников. Он несколько лет работал на сахалинскую рыбную мафию. По сути, приглашен в команду Матиаса для устрашения конкурентов. Таких, как Дудников, он также имеет криминальное прошлое...

Сергей слушал, внимательно вглядываясь в черты шефа безопасности Алексея Матиаса. Лет сорока. Рыжеватый. С короткой густой бородкой. С маленькими поросычьими глазками. Губы... «Такие губы уже не носят». Тонкие, слабо очерченные. Нос массивный, раздвоенный. Подумал, что Матиас не изменил своему стилю. Алексей никогда не полезет ни под криминал, ни под ментов. У него нечто среднее, что он взял на вооружение еще в начале девяностых: мощная группировка под вывеской «служба безопасности», замешанная на связях и выпеченная на деньгах. Он, можно сказать, золотился в своем величии: сам себе финансист, продюсер и критик.

Марковцев отложил снимки... и только сейчас поймал себя на мысли, что готов к работе. То выразилось в простом и на первый взгляд несущественном факторе. Сергей хотел закурить, однако автоматически подавил желание даже похлопать по карману в поисках курева. И дело не в том, что он находился в присутствии женщины, – Катя отреагировала бы сразу: «Еще по одной?»

Сергей размышлял о том, каким способом его будут внедрять в синдикат Матиаса. Скорее всего за основу возьмут случайную встречу. Но не здесь, в России, – любая легенда будет базироваться на следующем факте: *он покинул родину в 2001 году*. Сергей пытался представить объем работы, который в данное время осуществляли десятки агентов ФСБ, обеспечивая одного человека. Досье на Матиаса растет как снежный ком: привычки, пристрастия, особенности и традиции в зарубежных поездках. Это не говоря уже о тщательном изучении графика предстоящего визита Матиаса в конкретную страну. По большому счету это была подгонка банкира под конкретного агента, а не наоборот.

И все же. Как будет выглядеть та «случайная» встреча с бывшим боссом? Какую легенду кроют, шьют Сергею лучшие портные разведки? И чем проще будет та встреча, тем более сложная и кропотливая работа будет стоять за ней.

Неожиданно, однако вполне реально Сергей увидел себя за рулем такси в Вене; но пусть это будет любая столица европейского государства. Он подводит такси к стоянке в то время, когда стеклянные двери международного аэропорта выпускают Алексея Матиаса и его приближенных; и если в столице России вокруг него максимум охраны, то в зарубежных поездках лишь двое-трое. Телохранитель открывает заднюю дверцу авто и привычно дожидается, когда

босс займет место, потом садится сам и называет водителю адрес. В это время или чуть раньше впереди встает другое такси с агентом за рулем. И Сергей «вынужденно» поворачивается в кресле, сдавая назад и бормоча под нос проклятья. По-русски. Именно в этот момент он должен быть узнан Матиасом.

Что-то в этом роде. Что-то типичное, как это происходит в кино или в шпионских романах. Но не «дубовое» типа спасения жизни во время искусственно созданного конфликта. Нет, даже малейшая деталь, блистающая золотой героикой, выдаст агента с первого же мгновения.

Вряд ли Сергей во время встречи с банкиром будет находиться за рулем такси, за рубежом банкира встречают на представительских автомобилях. Для Сергея это лишь способ подстегнуть мысли, мысленно же прогнать тот или иной диалог.

Он – разведчик, и любые лицевые или речевые ужимки будут дешифрованы его оппонентом. Он «узнает» его, но сей факт не должен отразиться даже во взгляде.

– Ты знаешь греческий? – спросила Катя.

Сергей как всегда ушел от прямого ответа.

– Знаешь, я начал кое-что соображать и выжимать из себя по-гречески, когда настраивался на вечное «поселение» в стране богов. Но в конце концов понял, что на том свете какой-то другой, универсальный язык. Чтобы не переучиваться...

– Ты говоришь по-гречески? – перебила Скворцова. «Скворцова-начальница», – автоматически подметил Сергей.

– На уровне ресторанного общения. Могу заказать водки, жратвы. Чтобы подмигнуть красивой гречанке, знание языка необязательно.

– О, как ты далеко заходил...

– Ревнуешь? – неосторожно поинтересовался Марковцев.

– Всю жизнь мечтала приревновать тебя. Кусать локти, колени, бить тебя по голове. Но ты так и не дал мне повода для ревности. В этом я бедная, стороной обойденная.

– Я ничего не понял.

Скворцова смерила Сергея насмешливым взглядом.

– Я бы забеременела от тебя. Чувства тут ни при чем. Тут чисто шкурный интерес. У мужиков старше сорока лишь пара-тройка сперматозоидов по-настоящему мощных. – Катя сжала кулак и потрясла им над головой. – Остальных «головастиков» хоть и много, но они вялые такие, им все равно, доберутся они куда надо или не доберутся. А вот тройка суровых нападающих, выпеченная в выдавшем виды мартене, обгонит всех. Не дадут дорогу всякого рода ублюдкам. Я про здоровое потомство говорю, усек? Скажи «ну ладно» и спроси что-нибудь про Матиаса. Найдись, не теряйся!

– Он собирается в Афины? – тут же спросил Сергей.

– Слава богу, ты нашел выход из положения! – Скворцова наспех перекрестилась. – Да, через неделю. А ты отправишься туда послезавтра.

– Я понял, – покивал Марковцев, чувствуя себя двенадцатилетним пацаном в компании развратной пионервожатой. – Короче, тебе нужен пленный со знанием языка.

– Тонко, правда?

Очередная домашняя заготовка «пионервожатой» произвела на него неизгладимое впечатление. Катя поверх снимков с изображением Германа Адамского и его боевиков положила книгу в черной обложке и насмешливо спросила:

– Давно не читал, пленник?

Сергей оценил этот тонкий ход, хотя и не сразу.

Глава 3

МЕРТВЫЙ НА ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ

8

Афины, неделю спустя

Небольшая русская православная церковь Петра и Павла на севере Афин была уютной – иного определения не подберешь. Хотя бы потому, что ее можно было назвать церквушкой в России, но не в Греции. Это было одноэтажное здание, почти не выделяющееся среди соседних строений и не имеющее своего внутреннего дворика. Храм примыкал к жилым покоям священника и считался домовою церковью. С довольно низким подклетом – правда, в отличие от старых церквей, подвал не был сводчатым. Вход в храм сразу с тротуара, который заодно служил и парковочной площадкой, а на востоке примыкал к автозаправочной станции с ее хромированными колонками и крошечным магазином-сервисом.

Обычно машин возле церкви не наблюдалось, но сегодня там было, можно сказать, скопление авто. Особо выделялся серый представительский «Ауди», на котором подъехали Алексей Матиас, глава управляющей компании Борис Восканян и Герман Адамский.

Матиас и Восканян были в строгих костюмах. Адамский пренебрег «этикетом», надев поверх голубой рубашки светлую матерчатую ветровку. Он проявил что-то вроде солидарности, когда быстро перекрестился на входе в церковь. Он стал в узком коридоре-паперти напротив северного портала, поглядывал на своего шефа, поставившего свечку Николаю Чудотворцу и оставшегося подле образа.

Недавно обновленные фрески, а точнее, темперы, поскольку краски наносились на поверхность сухой штукатурки, а не мокрой, были посвящены темам апокалипсиса. Нескончаемая, не прерывающаяся даже на фальшивых пилястрах стенопись раскрывала судьбы мира и человечества, вела нескончаемый рассказ о страшном суде и конце света.

По обе стороны от алтаря жертвенник и диаконник, напротив них иконостас – скромный и расположенный в один ярус. Южный портал служил входом в жилые покои священника, библиотеку – она же бухгалтерия, и придел с парой жилых комнат. Из библиотеки было видно алтарь и часть жертвенника.

Часто бывая за рубежом, Матиас всегда находил время для посещения русских православных храмов и всегда жертвовал небольшие суммы. Вот и сегодня он приготовил пять тысяч евро, чтобы вручить их лично настоятелю – отцу Николаю. Но пока что он не видел его. Службу нес дьякон лет сорока пяти, читая псалмы – время утренней литургии приезжими русскими прихожанами было упущено.

Вообще Матиас не был тем человеком, которого с удовольствием приглашали, к примеру, на юбилеи театров и знаменитых актеров, на открытие храмов. Как правило, охрана бизнесмена занимала целый ряд в партере (а приглашали его одного); прихожан в церкви теснили плечистые телохранители. Лишь за границей все становилось как бы на свои места. Как сейчас, когда никто не мешал слушать мягкий баритон священника:

– Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться...

Алексей Михайлович на секунду прикрыл глаза. То ли голос дьяка показался ему знакомым, то ли псалом. Если последнее – то псалом не совсем обычный: ополчение, полк, война. Этот дьяк больше походил на капеллана на военном судне. И словно застолбил себе место между алтарем и иконостасом. Стоял прочно, как мачта.

Матиас находился в пяти шагах от высокого священника. То, что он был сухопарым, не могло скрыть даже его широкое облачение. Короткая ухоженная борода с благородной проседью подчеркивала его резкие скулы, темные глаза поблескивали от обилия свечей. Матиасу даже показалось, что брови священника также пламенеют, как волоски-светодиоды в модном светильнике.

Алексей обратил внимание на его обувь. Тяжелые тупоносые ботинки периодически показывались из-под черной рясы, когда священник кланялся, осеняя себя крестным знаменем, и широкая одежда, как морская волна, оголяла ботинки. И снова накатывала на них. И в этой частой периодичности чудилось что-то гипнотическое, что вкупе с его голосом действовало на прихожан соответствующе.

В нем чувствовалась какая-то не совсем обычная размеренность, не свойственная священнослужителям. Не было вальяжности, суеты, не было игры, которая так или иначе всегда проскальзывала в их действиях. Или священнодействиях.

Дьяк стоял к Матиасу вполборота, тем не менее не мог не заметить высокопоставленного прихожанина, одетого в дорогой костюм, который говорил о его благосостоянии. Наверняка он уловил момент, когда в храм вошли люди, жертвующие на его нужды приличную сумму, однако его голос ни разу не взлетел на подобострастную высоту и не опустился до угодливости. Он ни разу не скосил своего вороньего взгляда в сторону русского банкира и даже, как показалось последнему, прятал взгляд. Точнее, старался избежать встречи с пронизательными глазами прихожанина. Точно, пришел к выводу Алексей. Он вошел в храм и видел только профиль священника; он ставил свечку – и видел то же самое. Он сделал шаг назад, а дьяк словно повторил его движение, снова оказавшись боком к нему. И Матиас уже намеренно вслушивался в его интонации.

– Восстали против меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня. Воздают мне злом за добро, сиротством душе моей. Я во время болезни их одевался во вретнице, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недра мое... Чтобы не торжествовали надо мною враждующие против меня неправедно, и не перемигивались глазами ненавидящие меня безвинно. Ибо не о мире говорят они, но против мирных земли составляют лукавые замыслы...

Дьяк был без головного убора, и Матиас отчетливо видел его надбровные дуги, словно позаимствованные у российского артиста Олега Янковского. Он не мог объяснить себе, почему этот священник приковывает его внимание. Вот он в очередной раз осенил себя крестным знаменем, и его рука на отлете, как во время военного парада, словно указала на диаконник, забраный решеткой и находящийся справа от него.

– Сыны человеческие – только суета; сыны мужей – ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты. Не надейтесь на грабительство, и не тщеславьтесь хищением; когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца.

Матиас выругался про себя, все больше увязая в странных ощущениях-ассоциациях и не находя причины, по которой он не мог оторвать взгляд от простоволосого священника, его крутых надбровных дуг, не мог избавиться от маршевого темпа, с которым тот вел службу. Он приковывал к себе внимание, но в то же время прятался за богобоязненными поклонами и ускользящими поворотами головы. Вот сейчас он должен стоять лицом к алтарю. Так и есть, но его фигура нацелена на мрачный диаконник. Казалось, взойди он на горнее место, голова его снова вывернется в прежнюю сторону. Как в фильме ужасов.

– Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских. Долго жила душа моя с ненавидящими мир. Я мирен: но только заговорю, они – к войне. Аминь!

«Капеллан» закончил службу и направился вдоль иконостаса к декоративно обработанному дверному проему, видимо, в служебное помещение.

А Матиаса еще долго не покидало ощущение, что раньше он видел этого священника. Когда он выскажется более неопределенно – «видел этого *человека* », он вспомнит его.

9

Настоятель храма отец Николай вошел в комнату придела, отведенную Сергею Марковцеву, и сморщился: новоявленный дьяк курил, сидя на кровати и глядя в маленькое оконце, выходящее на автозаправочную станцию. Сергей освободил себя от рясы, перекинув ее через спинку стула, и остался в оригинальном подряснике: клетчатой рубашке с длинными рукавами, застегнутой наглухо. 45-летний настоятель не мог отпустить недовольную реплику: «Только не в храме божьем!» – потому что сам курил. Сергей заметил ему: «Бороться надо». – «А что же ты не борешься?» – вопросом на вопрос ответил священнослужитель. «Силы кончились», – пояснил бывший монах.

Вот и весь разговор.

– Он не спрашивал про меня? – спросил Марковцев, не глядя на священника.

– Нет, – качнулась окладистая борода Николая Румянцева. – Просто передал деньги и поблагодарил за службу. Но он долго смотрел тебе вслед. Он узнал тебя.

– Дай-то бог... – вздохнул Сергей и затушил окурок в пепельнице.

– Почему ты закончил службу 119-м псалмом? – строго спросил настоятель.

– Так было запланировано, – ответил Сергей без намека на улыбку. А на языке вертелось богохульное «Черт его знает!»

Отец Николай прошел к окну, открыл форточку и закурил немецкую «West». Он не скрывал свою пагубную привычку и в этой свободе больше походил на католического священника, нежели на православного, и давно мечтал сбрить бороду.

– Ты все помнишь? – спросил Сергей у настоятеля.

– Да, – кивнул Николай. – Ты служишь в церкви с начала декабря 2001 года. А я...

– *Что ты?* – недовольно акцентировал Марковцев. – Не сбивайся. Давай дальше.

– Я ходатайствовал за тебя, поскольку мы знакомы с 97-го.

И оба мысленно перенеслись в этот год.

...Сергей Марковцев простыл. Одним духом вылечиться не удалось. Всегда действенный прием – стояние босыми ногами на свежем снегу – не помог. Наоборот, поднялась температура, забарахлила застуженная еще в армейские годы почка, эта натуральная половина плунжерной пары. На вопрос Николая Румянцева «Почему в больницу не идешь?» Марковцев сморщился.

– Меня больше всего угнетает в больницах названия болезней на латинском. Словно ты попал в древние времена, на расправу святой инквизиции. А еще буквально история болезней: вот в этой палате лежала одна знаменитость, в этой другая, скончались от того-то. Времена другие, а люди умирают все так же. – Сергей покосился на монастырское кладбище, заросшее бурьяном, с покосившимися крестами, видневшееся через окно просторной кельи: – Чувствую себя как в чужой могиле.

Сергей и Николай учились в одной школе. После один поступил в военное училище, второй в Загорскую семинарию. Один дослужился до подполковника спецназа, второй поднялся до патриаршего секретариата и, его же словами, «ну объезжать с комиссией православные храмы, монастыри... и притоны». Притоном святой отец назвал один из новгородских храмов, где царил сплошной беспредел. Его настоятель вместе со своими клириками разгра-

бил церковь в поселке Александровка: содрали иконостас, похитили массу старинных книг и подсвечников.

– Ты вроде следователя от РПЦ? – рассмеялся Сергей.

– Я вроде оперативника, – нахмурился Николай.

Оба сидели в рясах. Гость устроился на стуле, хозяин новоградского монастыря на своей кровати. Потягивали местную рябиновую настойку градусов тридцати. Это второй визит сановника Русской православной церкви в Свято-Петров монастырь, принадлежащий Патриархии. Николай проехал бы мимо, если бы не школьные годы, связывающие обоих воспоминания. Сергей окончил военное училище, а Николай духовное заведение. В ту пору растолстевший Румянцев мог позавидовать военной выправке товарища, его форме с погонями ВДВ.

В общем в ту пору Румянцев непрозрачно намекнул Сергею Марковцеву на возможное продвижение буквально по службе.

Вместе с Румянцевым в монастырь заглянул и отец Иринарх, в миру Василий Прохладов, смешливый священнослужитель. Однако Румянцев предупредил товарища: «Ты не очень-то откровенничай с ним, говори на церковные темы».

– О чем задумался, Коля? – спросил школьного друга Сергей, выставляя на стол вторую бутылку настойки.

– Если честно, то малость завидую тебе, – признался Румянцев, сбиваясь на «ересь». – Я не стремлюсь к высоким постам, церковная иерархия меня мало тревожит. Я мечтаю о небольшом православном храме за рубежом, о своем приходе. – И высказался более практично: – Жду, когда освободится приличное место в стране с теплым климатом.

– У тебя есть монахиня?

– Ну конечно, я же живой человек. – Румянцев улыбнулся. – Давно уже состоит при мне. Софией зовут.

– С собой возьмешь?

– С собой возьму.

Разговаривали как два слабослышащих, или как если бы на практике использовали заранее выбранные условности.

В это время отец Иринарх вместе с монахом Трифоном, специалистом по восточным единоборствам и отменным стрелком, обходил монастырское подворье и дивился порядку, царящему здесь. Даже благосостоянию: в капитальном гараже он узрел джип «Паджеро» за номером Н348УК, принадлежащий лично Сергею Марковцеву.

Когда Иринарх вернулся и опрокинул рюмку настойки, бросив «Выпивать не грех, напиваться – грех», Марковцев, вняв советам Румянцева, заговорил «на церковные темы». Не сразу, но обороты набрал быстро.

– Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волею. Антихрист идет в мир... Почему это происходит? Потому что православные не берут в руки оружие, имени Иисусова и крестного знамения. Мои монахи хотят освятить ракеты «сатана» – каждая боеголовка мощностью десять Хиросим, каждый «сатана» несет несколько боеголовок. Число им – 6. Единственный надежный щит Родины...

Иринарх слушал Сергея, открыв рот, как чьего-то посланника; слова «мормонские происки» и им подобные канцелярист на время пропустил мимо ушей. Однако во время выступления монаха ему хотелось обратиться к нему не «сын мой», а «сыночек роденький!». Ничего этого он не сказал. Он тихо, чтобы монах не слышал, прошептал в бороду:

– Что ж ты такое несешь, придурок?!

А того было не остановить.

– Один одержимый назвал себя братом сатаны и объявил войну богу. И стал готовиться к бою. Выточил в мастерской кинжал, нож и меч, сделал на лезвиях гравировку: «ббб» и «сатана». Пришел в монастырь накануне пасхальной ночи и на рассвете увидел двух мона-

хов, которые шли звонить к заутрене. Под колоколами он и проткнул монахов своим мечом. Насквозь. Его посадили в спецпсихбольницу, а оптинские монахи возвестили о скором конце света. В 1999 году это случится.

Иринарх перекинулся взглядом с отцом Николаем, морщившимся как от ушной, почечной и зубной болей сразу, потом шлепнул по столу мясистой ладонью и разразился ответным монологом:

– В общем так, я принял решение не докладывать в Патриархию о греховном феномене... Как бы его окрестить, прости Господи... Вот: «новоградское возмущение». Чего доброго, и нас с Николаем тоже посчитают бесноватыми и вызовут спецотряд экзорцистов. Я говорил с насельниками, но что толку? Каков батюшка, таков и приход. Не стоит портить летопись. Кажется, я ничего не упустил.

Русской православной церкви принадлежат полтысячи монастырей, и только десять из них в Прибалтике и чуть дальше. Полтора года нужно объезжать «объекты», чтобы хоть на день остановиться в каждом. И хорошо, что этот настоятель не тихоня. Может быть, и впрямь дурак, юродивый? – так и эдак прикидывал Иринарх. Ну что ж, блаженные всегда приносили удачу храмам.

Именно во время второго визита Николая Румянцева в Новоград Сергей и почувствовал себя отверженным. По сути, Матиас отказался от его услуг, постепенно уползая в глубь своего логова. Что для Сергея означало полное бездействие, натурально монашескую жизнь, которую он только терпел. Он часто качал головой: «Пора распускать боевую единицу». Даже прикидывал, как согласно волчьим законам пускает в голову последнему монаху пулю и подмигивает единственному оставшемуся в живых: «А теперь валим отсюда». За границу. О чем мечтал и Николай Румянцев. Но с пустыми руками там нечего делать. Даже чтобы предложить свои услуги, нужны деньги. Говоря спортивным языком, он должен был притащить с собой авторитетного спонсора. Но кивать на Матиаса в сложившейся ситуации было делом опасным.

10

Матиаса пригласили в Афины для обмена опытом перевода накопительной части пенсии в частные структуры. Визит банкира в столицу Греции был омрачен новым постановлением Кабинета министров, который поставил отдельные управляющие компании в очень сложное положение. Еще в Шереметьеве, когда до вылета самолета оставалось около полутора часов, Матиас ответил на вопросы журналиста российского экономического журнала.

Вопрос: Вы сможете инвестировать средства пенсионных накоплений в ценные бумаги российских эмитентов?

Ответ: Только при условии, что они включены хотя бы в один котированный список высшего уровня.

Вопрос: Как обстоят дела с облигациями?

Ответ: Еще хуже. Управляющие компании фактически смогут инвестировать пенсионные накопления только в государственные и муниципальные облигации.

Вопрос: Что это значит?

Ответ: То, что управляющие компании лишаются преимущества перед Внешэкономбанком в виде более широкого выбора инструментов для инвестирования.

Вопрос: Ваши управляющие компании имеют в своих портфелях акции, которые в соответствии с новым постановлением правительства оказались под запретом?

Ответ: Да. И мы автоматически стали нарушителями. В течение полугода мы должны исправиться. Вероятнее всего, нам просто придется продать выгодные ценные бумаги.

Вопрос:

Вы согласны уйти из армии? Хотя бы ради двух вещей: чтобы вас не успели продать и чтобы стать мертвым на общих основаниях и в отпущенный вам срок? Чему вы удивляетесь? Если офицера нельзя купить, его продают. Неподкупных офицеров продает государство. Вам скоро тридцать пять, и я хочу, чтобы вы отпраздновали еще не один юбилей...

Алексей Матиас вспомнил человека, которого видел в русском православном храме... Когда-то очень давно банкир задал ему этот длинный вопрос и сам же ответил на него. Некогда этот человек возглавлял мощнейшую группу особого резерва в структуре, которая лишь по чистой случайности не переросла в такой же мощный государственный силовой орган.

Они узнали друг друга...

Теперь финансист мог со стопроцентной уверенностью сказать, почему Сергей прятал взгляд от своего бывшего босса. Вероятно предположить, что в тот момент экс-подполковнику спецназа хотелось пусть не провалиться, но оказаться далеко от того места, где он читал псалмы.

Другая сторона вопроса оказалась столь многогранной и широкой, что Матиасу понабило много времени, чтобы полно представить картину. А он был как раз тем человеком, который никогда не довольствовался поверхностным анализом. Ему пришлось оставить тему визита и сосредоточиться на одном человеке, вспомнить все, что он знал о нем, представить то, что некогда осталось за кадром.

В свое время пробелы были восполнены, и Алексей Михайлович, дополняя «дело Марковцева» личными воспоминаниями и даже конкретными бумагами, воспроизвел его «жизнеописание» реально.

Детали суда над Сергеем банкиру были хорошо известны. Далее он познакомился с любопытными вещами о предложении поработать на военную контрразведку под гарантии последней. Ему готовили побег, но он опередил профильный отдел и не дал им в руки этот главный козырь. Далее он предложил свои услуги военной разведке и снова перехватил инициативу у ФСБ. Он наносил удары ее же оружием и ни разу не промахнулся. В 2001 году его попытались устранить, но он снова опередил противника и дал открытое интервью одному из независимых российских телеканалов. Причем репортаж прошел в то время, когда его самого в России уже не было.

Дальше его следы терялись в Риме, куда он прилетел charterным рейсом из международного аэропорта Самара. Потом выяснилось, что Италия была лишь перевалочной базой, и Сергей конечной остановкой выбрал небольшой греческий городок, расположенный в шестидесяти километрах от Афин. Возможно, на него вышли агенты ГРУ или ФСБ – этот факт так и остался невыясненным, – и двухэтажный дом Сергея Марковцева взлетел на воздух. Скорее всего Марк остался без средств к существованию, потому что, как теперь выяснилось, он скрывается в храме Петра и Павла. Как раньше скрывался в Свято-Петровом монастыре.

Недостающие детали мог объяснить лишь один человек, сам Сергей Марковцев. Хотя бы для того, чтобы Матиас смог проверить его показания. Незаконченных дел Алексей не любил.

Он вызвал в свой гостиничный номер Германа Адамского. Тот даже не переоделся после посещения церкви. Он стоял перед боссом в той же короткой матерчатой куртке и часто мигал осоловелыми глазами. Впрочем, то была действительно маска. За видимой сонливостью скрывалась сама собранность; и этот молниеносный переход от инертности к полной готовности всегда искренне удивлял Матиаса. Адамский принадлежал к породе начальников, не брезгающих простой работой. «Еврей-дворник» – эта совковая нелепица полно характеризовала его. На взгляд банкира, он чем-то походил на Марата, причастного к подготовке двадцати восьми убийств. «Говорят, на дело всегда шел сам и всегда оставлял массу улики».

Глядя на Адамского, Алексей – вот сейчас – не увидел в нем того человека, который как бы замещал другого, навсегда утраченного. Сейчас было с кем сравнить, ибо образ Сергея Марковцева все настойчивее вставал перед глазами, и банкир в Германе увидел ущербного

человека. Пусть даже с прошлым, о котором «не стыдно» вспомнить, но куда ему до прошлого Марковцева... Еще бы немного, и Алексей ощутил тоску – пока что действительно по ушедшим годам, а не по конкретному человеку. Но в этом была крепкая взаимосвязь. Где-то в подсознании промелькнули слова: дружба, солидарность, единство. Потом они стали двойными, но не расплывчатыми: общее дело, групповые интересы, совместные начинания. Дальше они обросли конкретными делами, лихо закрученными сюжетами. На глазах рождалась «команда молодости нашей» и не было мыслей о том, как «придут дублеры» («Дай бог им лучше нашего сыграть»).

Дублеры...

Точнее не скажешь. Матиас видел в Германе Адамском дублера, который действовал по-новому: получал больше, а играл хуже.

Алексей хотел встретиться с Марковцевым, чтобы поделиться вот этой ностальгией.

Еще немного, и обращение к Адамскому прозвучало бы неожиданно мягко, противоречием, как гром среди ясного неба: «Выясни все про батюшку, который служил сегодня в храме. Меня интересует, когда он начал служить в этой церкви».

Все произошло так, как и предрекал Алексей: подполковник Сергей Марковцев ушел из армии, и его не успели продать; он стал мертвым на общих основаниях и в отпущенный ему срок. И нечему тут удивляться.

Он вынул из кармана электронный блокнот и пролистал несколько страниц. «Продается известный и успешный ресторан в Пуэрто Банус, Марбелла», нашел он анонс. «Первая линия, хорошая клиентура, 90 мест в ресторане плюс баре, 50 мест на террасе с видом на гавань. Запрашиваемая цена: 895 000 евро, цена подлежит обсуждению».

– Займись, – распорядился Алексей. – Моя цена – семьсот пятьдесят тысяч. Поинтересуйся также насчет аренды лет на пять, желательно с персоналом.

Ему необходимо было убрать Адамского на время визита в Афины. Он не сходя с места мог подобрать десяток поводов, но остановился на самом рациональном: он действительно хотел купить ресторан в Марбелле, тем более что он неплохо знал это заведение: недавно обновленное, с современным дизайном. Это будет неплохой подарок дочери на день рождения (ровно восемь лет назад он подарил ей ролики). Если его не устроит цена, то на срок аренды рестораном будет заправлять его любовница.

11

Секретарь Матиаса Александра Попова, также отвечающая за связи с прессой, вручила шефу листок бумаги с номером телефона церкви Петра и Павла и привычно дожидалась очередного задания. Александра была хорошим секретарем, всегда угадывала настроение своего патрона и почти всегда буквально выцарапывала что-то недоконченное, что крылось либо во взгляде, либо в жестах, либо в словах шефа. Она по своей инициативе переняла некоторые манеры и даже стиль в одежде дочери Матиаса, чем слегка отдаляла его от себя и в то же время сближала. Сейчас двадцатипятилетняя секретарша была одета в просторную атласную кофту с длинными рукавам и откровенным вырезом, с воротничком черного цвета, в облегающую юбку и туфли на низких каблуках. Если присмотреться внимательно и напрячь воображение – стиль «милитари», что было к лицу обладательнице довольно тяжелого подбородка и холодных сероватых глаз.

Однако в этот раз Александра ошиблась, а может, просто заблудилась в слегка растерянном взгляде шефа. Он отпустил ее, энергично кивнув головой, отчего его тяжелые очки сползли на кончик носа.

Алексей набрал номер на гостиничном аппарате и с перерывом в полминуты сказал несколько фраз:

– Отец Николай, Матиас вас беспокоит. Мне нужно поговорить с вашим дьяком – его зовут Сергеем... Нам нужно встретиться, Сергей. Жду в баре ресторана «Амазон» в одиннадцать вечера. Только ты и я.

Ресторан «Амазон» находился в нескольких кварталах от президентского дворца и рядом с магазином оптики «БЦПЙ ВСХЩНЗ» с элегантным «чеховским» пенсне над скромной вывеской. Матиас был одет в стиле «гольф» – плотную майку с круглым вырезом, широкие темные брюки, туфли. Он сидел за стойкой и потягивал коньячный коктейль. Изредка бросал взгляд то на часы, то на дверь, отражающуюся в зеркалах богатой витрины. Взбудораженный предстоящей встречей Алексей чуть хмельно представлял Сергея в черной рясе и в тех самых грубых ботинках. Как он сказал? «Одевался во вретисце, изнурял постом душу»? Так, кажется.

Примерно за час до встречи Марковцева и Матиаса в бар «Амазона» вошли два агента ФСБ. Они расположились за столиком, примыкающим к занавешенному плотными коричневыми шторами окну. В баре хозяйничал лишь один черноглазый, небольшого роста бармен, но успевал всюду. Тут подавали бочковое немецкое пиво, причем всего двух сортов. А вот марок вин и коньяков было не счесть. В первую очередь в глаза бросались армянские коньяки – «Ани», «Арарат»; на их фоне черные бутылки французских напитков терялись, во всяком случае, не выделялись. Агенты российской разведки – один был в рубашке с короткими рукавами и брюках, а второй в слегка помятом сером костюме – предпочли пиво. Они потягивали пенный напиток из маленьких полупинтовых кружек и лениво вели беседу. Их негромкие голоса тонули в мягкой музыке, звучащей в баре непрерывно. Только что отзвучал хит Дайдо «Здесь со мной», и ему на смену явилось «тягучее дыхание» «Вакуума» «Я дышу».

Пока что миниатюрная видеокамера, вмонтированная в сотовый телефон одного из агентов, фиксировала лишь Матиаса – со спины и чуть сбоку. Через пару минут к нему присоединится Марковцев. В это время он парковал «Опель» отца Николая напротив дома № 59 по улице Стадио. В отличие от агентов, у Марковцева не было записывающей аппаратуры, даже простого сотового телефона.

Очередной взгляд на зеркальную витрину, и Алексей Михайлович во второй раз за этот день увидел своего бывшего боевика. За несколько минут до этого он к месту или нет думал о главной – пятой власти, как бы пренебрежительно отмахиваясь от остальных. Власти преступности над обществом и государством, подмявшей под себя остальные. Времена меняются, но власть эта остается неизменной и самой загадочной. Как сказала одна знакомая журналистка: «Ее предводители и бойцы свято чтут основной закон итальянской «коза ностры» – закон «омерты» (молчания). То полностью подходило к Сергею Марковцеву, который легкой и уверенной походкой направлялся к своему бывшему боссу. Не считая дырочки – следа от сигареты – на рукаве полосатой рубашки, Сергей выглядел безукоризненно. Было видно, что он недавно посетил парикмахера – волосы уложены и едва заметно поблескивали бриолином, брюки отутюжены идеально, в блеске туфель отражался матовый свет ресторанных светильников.

Марковцев занял место справа от Матиаса и первым делом выложил на стойку сигареты и зажигалку, кивнул бармену, который моментально поставил перед посетителем продолговатый стакан с холодной водой и тут же отошел. Сергей прикурил, выпустил дым в потолок и только после этого повернул голову в сторону банкира.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович, – первым поздоровался он. На его губах на короткое мгновение застыла слабая улыбка, а темные глаза словно подсветились изнутри.

Матиас протянул ему руку и молча пожал, часто-часто кивая головой. Может, подумал Сергей, в этот жест он вложил все те необязательные слова о том же времени и его странном течении, о превратностях судьбы и ее седоватых отметинах на висках обоих собеседников, о порывах ветра, которые поэтапно освобождали голову от легкой дури. Впрочем, легкой дури не бывает.

Действительно, Алексей будто впервые рассматривал своего боевика, его на удивление чистые, словно под прикрытием новеньких контактных линз, карие глаза. Подумал, что для Сергея настала пора перевернуть ощущения, дать им команду «кругом!». Поскольку определенное время и до уготованного момента он жил с ощущением, что главные события его жизни – в прошлом. Теперь есть буквально повод, чтобы развернуть скакуна: «Главные события – в будущем». И трижды постучать по облучку.

Когда Сергей Марковцев командовал батальоном, Матиас отнес его к той редкой категории военных, в коих все еще жило интеллигентное сознание. А это означало, что он постоянно находился в раскашке между верой и безверием, жил с устойчивым желанием, чтобы вера была и чтобы она вернулась – если вдруг уйдет. Теперь, когда по прошествии многих лет они снова встретились, он мог процитировать Михаила Козакова: «Пока я жив, бог есть». Очень справедливо по отношению к Марку. «И ко мне тоже», – вынужденно дополнил Алексей. И повторил: «И ко мне тоже».

– Коньяк, водку? – спросил Матиас, подзывая бармена щелчком пальцев.

– Водку, – кивнул Сергей. – Нашу. Местная хороша для промывки желудка, а нам с вами нужно прочистить мозги.

Банкир рассмеялся.

– Давно не слышал тебя. Таким, – пояснил он. – Ты всегда говорил дело.

– Да, – по-простому отозвался Марковцев. – Просто иногда те, к кому был обращен мой голос, не способны были меня услышать. Или понимали неправильно. Однажды я сказал командиру дивизии, что его вертолет даже не садится, а присаживается. Тогда мне показалось, что он завтракал мылом – у него пена повалила изо рта.

Теперь настала пора Марковцева пристально взглядеться в собеседника.

Когда они впервые встретились, Алексею было тридцать шесть лет. Щеки неровные, бугристые, красноватые, что навело Сергея на мысль, что этот человек очень неуверенный в себе, с неистребимым комплексом.

Тогда Марковцев неожиданно пришел к выводу, что у Алексея никогда не было не то что своей квартиры, а даже своего угла. А если и был, то его постоянно шпыняли. Он живо представил себе коммуналку. Алексей просыпается в своей комнатенке и идет умываться – но туалет занят. Он идет на кухню попить кофе, но все конфорки греют чьи-то кастрюли, чайники, или просто на плите стоит здоровенный таз и в нем варится варенье. Когда освобождается туалет и Алексей садится на унитаз, из кухни доносится: «Нельзя ли потише?!» И так каждый день.

Сергей не мог представить себя на месте Матиаса. Точнее, представлял оригинально. Занят туалет? Он вышибает дверь и сам занимает его. Нет места на общей плите? Секунда – и все конфорки свободны. Нельзя ли потише? Можно, конечно. И Марковцев, стараясь не шуметь, душит одну соседку, потом вторую, дальше идет кончать их мужей.

Эти первые представления оказались ошибочными. Хотя, может, тот комплекс и стал причиной абсолютного равнодушия Матиаса к жертвам, которые Марк бросал к его ногам. Он походил на садовника, не видящего в сорняках живых растений. Для него интересна культура и он беспощадно выпалывал свой огород, топча и сжигая сорняки.

– Я хотел вытащить тебя из тюрьмы, – услышал Сергей, – но не сразу. Просто в то время в тебе не было необходимости. И ты прекрасно понимал, что в зоне тебе спокойней, разве не так?

Вопросы, вопросы, вздохнул Марковцев. Цена его побега из тюрьмы колебалась бы в пределах миллиона долларов. Для чего? Для того чтобы он не заговорил. Однако за такие деньги его могли хлопнуть в тюремной камере. Не хлопнули. Значит, он был нужен на воле.

Постепенно Сергей начал сбрасывать с себя личину секретного агента и возвращался в забытое состояние главы «батальона смерти». Ничего изменить не мог, но понимал, что так ему будет гораздо легче. Сравнил такой переход, или скорее всего состояние, с секретным кодом,

заложенным в программу, исходным текстом, осмысленным, живым организмом. Просто его надо чувствовать в себе, а жить совсем другими чувствами и настроениями. Если этого не будет, его раскусят в две секунды.

– Ну, как ты жил эти годы? – спросил Матиас и грубовато отослал бармена, ставшего напротив: – Go away (ступай прочь).

Марковцев пожал плечами. И снова ответил цитатой-притчей:

– Привыкли руки к топорам. Только сердце непослушно докторам.

Уже сейчас Алексей Михайлович мог признаться себе, что никаких проверок не нужно. Марковцев говорил и выглядел, как человек, прошедший долгое время в неволе. Он скрывался – а это пуще неволи. С другой стороны, если бы он впервые увидел его хотя бы в этом ресторане, на улице, то прошел бы мимо и не окликнул.

– Давно хочу свалить отсюда, – продолжал Сергей. – Но нет денег и высовываться неохота. Странное ощущение. Всю жизнь чувствовал себя перелетной птицей, сейчас же не вижу себя даже переползающей жабой.

Пора задать вопрос в лоб, решил Марковцев.

– Есть работа? – спросил он.

– Пока что есть желание снова видеть тебя в команде. Но не сразу. Надо подумать.

– Вы уже подумали, Алексей Михайлович. Иначе бы не пришли сюда. Я вижу, у вас есть трудности. Четыре года – хороший срок, про меня давно забыли. Но встает вопрос: неужели на таких людей, как я, снова спрос?

«Три года», – мысленно поправил собеседника Матиас, не собираясь отвечать на последний вопрос, поскольку Сергей сам ответил на него: да, на таких снова спрос. Сергей скрывал часть своей биографии, то, что он после побега из колонии успел поработать на две «конторы», и Алексею это понравилось. Во всяком случае, у него появлялся козырь, когда в один прекрасный момент он предъявит Марковцеву следующее: «Что же ты сразу не сказал? Из-за тебя я мог крупно вляпаться».

Он знал много примеров, когда рядовые матерели и убивали своих боссов. Поэтому он еще в начале 90-х принял решение о качестве боевой единицы «Щита»: она должна быть укомплектована военными и только военными. Людями, которые по своей сути привыкли подчиняться. Ему нужны были настоящие исполнители, привыкшие к дисциплине. Боевое ядро образовалось не сразу, а по прошествии четырех лет.

И вот сейчас не стоило торопиться по той же причине.

Алексей вынул из кармана пачку евро и передал Сергею.

– Никуда не дергайся. С тобой свяжутся мои люди.

– Волосатый хип-хоп-громила, который сопровождал вас в храм, ваш человек?

Матиас долго смотрел на Сергея. Но его вопрос оставил без внимания.

12

Марковцев вернулся в церковь в начале второго ночи и поставил машину вплотную к крыльцу. Отец Николай поджидал его, корпя в библиотеке над учетными бумагами, перенося данные в электронную бухгалтерию и поругиваясь: «*Господи, как же тут все запущено!*» На шутку Сергея, оприходовал ли он пять тысяч или приберег их на свечной заводик, Румянцев отреагировал тяжелым взглядом из-под широких бровей.

– А как насчет этого? Оприходуем? – Марковцев выставил на стол бутылку дорогого виски и рассмеялся: – Сегодня я богач, Коля. Давай тяпнем.

Он сдвинул в сторону жестянку с мелочью и уселся на край стола. Открутил пробку и глотнул из горлышка. Посмаковав виски во рту и артистично покрутив глазами, одобрительно покивал:

– Отличная штука. Утром будем как стеклышко.

Николай закрыл тяжелую дверь – чтобы не было видно алтарь, и вернулся на свое место – сел на широкий, обитый тисненой кожей, неподъемный стул. В буквальном смысле слова закрыл глаза на очередное богохульство Марковцева, прикурившего от свечки. И снова немного позавидовал ему. Попытался угадать, о чем думает Сергей, прошла ли его встреча с банкиром так, как он планировал. Впрочем, он ничего не планировал, так, предполагал. И совета ни у кого не спрашивал – ни у бога, на фиктивной службе у которого он состоял больше года, ни у черта, который подбросил ему идею о монашеской жизни. А на вопрос трехдневной давности, чем закончилась его монастырская судьбина, Марковцев ответил: «вальтером», дымящимся после шести выстрелов».

Обнадежил вообще-то. В то время отец Николай окидывал взглядом настенную живопись православного храма, этот памятник раннехристианской литературы о пришествии на землю Христа и появлении Антихриста, выполненный в единой колористической гамме и с чувством меры, и прикидывал, что задымится в руках Марковцева в скором времени и как будут выглядеть обугленно-архитектурные формы натурально афинского храма.

Пока что дымилась сигарета. И... слава богу.

Снова воспоминания, тяготившие душу и в то же время очищающие ее. Загорск. Сергей Марковцев с длинными волосами, перехваченными на затылке резинкой, и короткой бородкой. Близился к своему завершению 1996 год.

– Нужны священники без образования? – спросил Сергей, найдя Николая в цитадели Русской православной церкви. – У меня проблемы. Пока меня не ищут, но могут начать преследование сразу с двух сторон. Береженого бог бережет.

– Один знакомый митрополит – он кончил духовную семинарию и Московскую духовную академию, защитил кандидатскую, – пояснил Николай, – написал бы прошение: «Вынуждин скрываца бегством». Дуб дубом. Есть Свято-Петров монастырь в Новограде.

– Годится. А у меня как раз есть монахи. Десять человек. Порядок в монастыре и на близлежащей территории гарантирую. На досуге обещаю читать Евангелие и только Евангелие. Что нам нужно, рясы?

– Да, и подрясники.

– Это что-то вроде бронжилетов? – улыбнулся Марковцев. – Сколько я тебе должен? – Он пресек попытку священника перечить. – Считай, ты обеспечиваешь мне «крышу». Ставки в центральном аппарате МВД за такую услугу колеблются в пределах пяти «штук». – И удвоил эту сумму, вручив церковнику десять тысяч долларов и словесное пояснение: – Это за «прощение» отсутствия регистрации.

Восемь лет прошло, а Сергей, казалось, не изменился. Может, у него был свой почерк в его ремесле, но не в общении.

Румянцев вынул из нагрудного кармана рубашки аэрозоль с каметоном и поочередно втянул лекарственную взвесь широкими ноздрями. Простыл накануне, насморк замучил, хрипы объявились где-то в районе верхних дыхательных путей, головная боль как банный лист при- стала.

Одно блюдо с подающими унесли еще вечером, во втором кое-что осталось, и Николай лично перенес его в библиотеку. Он развернул плитку молочного шоколада и разломил пополам. Принял от Марковцева стаканчик с виски и, прежде чем осушить его одним глотком, тихо скороговоркой (больше для собеседника) прошептал:

– Господи, прости меня за сердце мое, отягченное объедением и пьянством и заботами житейскими, чтобы день этот не постиг меня внезапно.

Оттерев губы, Николай спросил:

– Долго еще?

Марковцев понял собеседника.

– Может, неделя, может, месяц, – ответил он, – кто знает? Пока пробьют по всем каналам...

Сергей очень надеялся, что разведчики сумели подчистить за ним по линии ФСБ и МВД. Обнадеживал тот факт, что досье на него в управлении контрразведки больше не существовало. Он сам позаботился об этом и в свое время заполучил в руки то, на что хоть одним глазком мечтает поглядеть любой агент – свое личное дело. И получил он его лично от Кати Скворцовой.

– Так что радуйся, Коля, наслаждайся теплым климатом, – закончил Марковцев.

– Да, да, спасибо тебе...

Марк кивнул на дверь:

– Тебе бы ворота поставить. Машину паркуешь на проезжей части.

– Я не знаю такого слова – ворота. Есть врата...

– Ну поставь врата, – улыбнулся Сергей. – Угонят когда-нибудь.

– Некому здесь угонять. И священников тут чтут. Правда, злословят, окаянные. Я успел пару раз надеть теплую куртку – болею ведь, – а меня уже прозвали «Чудом в перьях». От своего же патриаршего начальства слышал другое: прост, суров, чистоплотен. Вот так захочешь найти середину и не найдешь. Наливай, Сергей, изнутри подлечимся.

– Хорошая идея, – похвалил Марковцев. – Бессмертная.

13

Москва

Катя припомнила напутственные слова, адресованные Сергею Марковцеву:

– В реальной жизни ты можешь потянуть время, но в разведке ты должен сделать ход, оценивая то, как позицию видит твой противник.

И вот словно продолжение темы, то, чего Сергей не услышал, но знать был обязан. Все ходы из ситуаций давно известны. Возникают стандартные позиции. По сути, разведчики – заложники выбора; а перебор вариантов, как правильно заметил гроссмейстер Бронштейн, и выбор одного из них исключают игру интеллекта. То касалось не только шахмат. Для разведки настали непростые времена, хотя действуют «по старинке»: это столкновение стратегий.

Вот в этом месте Катя могла заставить того же Марковцева надолго остаться с открытым ртом. Следующая формулировка, впрочем, напрямую относящаяся к делу, родилась спонтанно: «Взаимодействие Марковцева с Матиасом должно быть интерактивным и проявиться в работе Марковцева и Матиаса в качестве равных партнеров при решении задач и означает сознательную активность Марковцева, подкрепленную управляющей деятельностью Матиаса».

«Нет, все же я – гениальное существо», – скромно похвалила себя Катя.

Она отказалась от идеи получить похвалу из уст начальника управления, и заумная формула осталась ее топ-секретом. Что касается генерала, то у него тоже был совершенный секрет. Для чего он поставил на середину стола алоэ? – недоумевала Катя. Улучив момент, она потрогала землю в цветочном горшке. Влажная. Поливает. Представила Котельникова с маленькой лейкой. Наконец не выдержала и спросила:

– Евгений Антонович, вот этот алоэ... – и вопросительно замолчала.

– Чтобы все спрашивали.

Генерал «отвертелся» где-то в середине доклада Скворцовой, когда вернулся с бутылкой минеральной воды и предложил подчиненной. Она отказалась. Он налил в стакан и отпил половину.

– Продолжай, Екатерина Андреевна, слушаю тебя.

– Итак, по факту донесения Марковцева и агентов разведки в Афинах следует: Матиас решил вывезти Сергея в Россию – но без участия в этой операции Адамского.

– Полагаешь, банкир намеренно убрал с пути главу службы безопасности?

– Да, – кивнула Скворцова. – И напрашивается вывод: он не хочет посвящать его в свои планы и Марковцев нужен ему для конфиденциальных целей.

– Дальше.

– Теперь второе. Матиас посвятил Адамского в свои планы, включая самый простой: он узнал в священнике своего боевика и рассчитывает на его квалификацию. Глава службы безопасности, не дожидаясь окончания визита своего босса в Афины, вылетает в Москву, чтобы как можно скорее пробить Марка.

– Я понял тебя. Только мы не знаем, в Москву ли вылетел Адамский. Наши запросы в столичные аэропорты говорят «нет».

– Он мог взять билет на другое имя и по другому паспорту.

– Вряд ли. Но вернемся к теме. Куда бы ни вылетел Адамский, в этом видна спешка. В первом случае – только Матиаса, во втором – обоих. А значит, финансового концерна целиком.

– Так точно.

– Жалко, что агенты лопухнулись и не зафиксировали вылет Адамского. Быть может, мы бы увидели проблему не в бинокль, а натурально в монокуляр.

Кате показалось, генерал отдал должное ее недавним ужимкам насчет того, как нужно смотреть на Марковцева. Двумя глазами. И дважды подмигнула начальнику управления.

14

Афины

Марковцев глубоко заблуждался, когда представлял себе Матиаса, проходящего через застекленные двери международного аэропорта. Не говоря уже о том, что Алексей возьмет такси. Он был не просто Very Important Person, а очень-очень важной персоной. Прибыв в Афины, Матиас прямо у трапа самолета коротко пообщался с встречающими и занял место в представительском «Ауди». И немецкая машина прямо с рулежной дорожки покатила мимо здания аэропорта к центральным воротам. Таможенные и паспортные процедуры лежали на помощнике и «младшем» компаньоне Матиаса Борисе Восканяне. Глава управляющей компании уладил все дела за считанные минуты. Процедура отлета повторялась с точностью до наоборот.

Сергей Марковцев сидел на заднем сиденье смоляного «Ауди» и краем глаза наблюдал за Алексеем. Тот пролистывал какие-то бумаги и, казалось, не замечал соседа. Не видел его чуть сомнительного и малость экзальтированного взгляда: «Неужели все так просто?» Проглядывалось недовольство и капелька обиды, скрытые за тем же мысленным восклицанием: «Неужели?!» И нечто вроде разочарования: «Так просто...» Казалось, что эти слова можно менять местами и повторять до бесконечности, что они пустые и за ними нет никаких чувств, которые можно было бы оскорбить. Но секретный агент российской военной разведки менял свои чувства, облаченные в эти слова, тасовал их, примерял то на Матиаса, то на себя, то на российскую разведку в целом. Сколько сил было отдано, чтобы встреча Марковцева и главы банка состоялась... Его легенда чинно прошествовала мимо, отдавая честь всем, кто стоял за этой операцией. А вот сейчас она ошеломленно топала, бросая недоуменный взгляд, по летному полю международного аэропорта, косилась словно на бесхозную иномарку.

Так просто...

Марковцев подумал про Алексея: если бы он не стал финансистом, то мог бы стать непрезойденным резидентом. Собственно, две эти профессии были сродни друг другу; работа, связанная с постоянным риском.

Нельзя сказать, что на определенном этапе Матиас переиграл спецслужбы, но вот сейчас словно демонстрировал свое всеилие и легкость, с которой он преодолевал очередной рубеж. Фактически он мог вывезти из этого аэропорта любого человека, любой груз. «И почему он не состоит на службе военной разведки?» – искренне удивлялся Сергей Марковцев. Впору пораскинуть мозгами и пусть даже некорректно сравнить две организации: ФСБ и службу безопасности банкира. «Контора» развезла бы на подобном деле целую шпионскую операцию, задействовала бы множество людей, связи на различных уровнях... А Матиас не сделал ровным счетом ничего, так, махнул волшебной палочкой, точнее – отмахнулся. И даже не посмотрел, все ли сделано по его приказу, не проклюнулись ли где-то досадные мелочи. Он был уверен в себе, что не могло не вызывать уважения, жеста в его сторону: «Впечатляет». И не дожидаясь в ответ: «А ты как думал?» Последнего от Матиаса никогда не дождешься.

«Вот бы кого завербовать и заставить работать на спецслужбы», – рассеянно размышлял Марковцев, видя впереди самолет с российской символикой, нарядных и в то же время строгих стюардессу и стюарда, стоящих по обе стороны трапа. То не походило на расплывчатую или какую-то несбыточную мечту. Есть такие люди на «вооружении» спецслужб, они не менее влиятельные, чем сами спецслужбы. Они достойны друг друга и претендуют на определение «воротилы». Да, когда разведка и финансы объединяются, это становится очень сильным и опасным оружием.

Последняя мысль отчего-то насторожила Марковцева. Может, по той причине, что Матиас и был «воротилой» сразу в двух ипостасях: у него были и деньги, и собственная система безопасности. Деньги нужно всегда охранять, без охраны они разлетятся, как птицы из клетки. Наверное, насторожило то, что весь этот нехитрый, но мощный комплекс безотказно действовал даже за рубежом. И в этом свете Матиас действительно виделся резидентом.

Вот он наконец-то оторвался от своих бумаг и быстро сунул их в папку. Привычно прищурился, глянув в окно и неподдельно удивился:

– Что, приехали уже? – Он сам открыл дверцу и вылез из машины. Помог секретарше, учтиво подавая ей руку.

И снова Марковцев в недоумении. Никакого намека на игру. Никакого сколько-нибудь наигранного жеста в сторону живой контрабанды. Хотя банкир мог сунуть ему папку, обозначая его как своего человека, а не случайного пассажира, прокатившегося до афинского аэропорта.

Между стюардессой и стюардом стоял приземистый, весом под центнер, Борис Восканян. Пиджак расстегнут, и разлетающиеся на легком ветру полы кажутся чересчур широкими. Это из-за огромного живота армянина, вынашивающего, казалось, тройню любо хранившего сбережения в своем брюхе.

Рядом с Восканяном стояли два грека в строгих костюмах. Они перебрасывались прощальными фразами и поглядывали на часы.

В руках Бориса простенькая папка темно-синего цвета. Дела улажены, в очередной раз прикинул Марковцев, ступая между Алексеем и его секретаршей.

– Я догоню тебя, – бросил банкир и указал рукой на трап. Остановил Попову: – Саша, я попрошу тебя задержаться.

Сергей кивнул. Потом еще раз, приветствуя бортпроводницу и игнорируя стюарда. Он поднялся по трапу и встретил еще один приветливый взгляд. Стюардесса улыбнулась и указала рукой в белоснежной перчатке:

– Сюда, пожалуйста.

– Вы натуральная брюнетка? – равнодушно поинтересовался Марковцев, проходя мимо.

Черноглазая стюардесса громко рассмеялась ему в спину.

Сергей занял место в предпоследнем ряду и тотчас прикурил, откидывая крышку пепельницы. Поймал удивленный взгляд бортпроводницы: спецрейс, пассажиров наберется не больше полутора десятка, чего ради он сел в паре шагов от туалета? Впрочем, Марковцев пересел, когда в салоне показался Матиас и поманил его.

– Выпить хочешь? – спросил он, подзывая «натуральную брюнетку».

– Да, давно не пил на взлете. Коньяк, – он первым сделал заказ, нарушая субординацию.

– А вам, Алексей Михайлович? – спросила стюардесса.

– То же самое.

Последним на борт поднялся все тот же Борис Восканян. Видимо, он хотел о чем-то переговорить с боссом, но, увидев рядом Сергея, повернулся и прошел в другой салон. Он был настолько тучен, что под ним едва не скрипели воображаемые половицы.

– Ваш секретарь? – закинул удочку Марковцев. – Что-то его пучит сегодня.

– С моим секретарем ты успел познакомиться в машине. А это Борис, он занимал пост председателя Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, – ответил Алексей, глядя на все еще колеблющуюся занавеску, поглотившую Восканяна. Он поблагодарил стюардессу, принесшую коньяк, кивком головы. – От должности был освобожден указом президента. Позже стал исполнительным директором Института корпоративного права и управления. Сейчас глава управляющей компании.

– Больше похож на главу пивоварни.

– Он пива не пьет. – Матиас поднял рюмку. – За встречу! Хотя... нет. – Он взял короткую паузу. – Когда я узнал, что ты жив, то, если хочешь, уверовал: «Смерть – это всего лишь начало». Вот за это давай выпьем.

Может, именно откровенность Алексея насторожила и подстегнула Марковцева. Рядом с ним хитрый, коварный человек, который мог усыпить своей мягкостью, дипломатичностью, чем угодно, подозревал ли он что-то или нет. Было ли это второй натурой Матиаса? Скорее всего неотъемлемой частью его сущности. У Алексея было много шансов вывести Марка на чистую воду, если тот играет на другой стороне. И проверка уже началась. Об этом говорило отсутствие в «составе делегации» хип-хоп-громилы. «Почему на борту самолета нет Адамского? – спрашивал себя Марковцев. – Остался в Афинах? Ну тогда Николаю Румянцеву придется туго». Но в последнем Сергей не сомневался. Николай мог ответить на любой вопрос без запинки, как по писаному, не отводя взгляда, не давая усомниться в своей правдивости. «По сути, был уже завербован», – как-то нервно подумал о святом отце Марк.

Кто знает, может, уже сейчас Николай отвечает на вопросы Адамского.

Нет, он не подведет. Он нормальный человек, нормальный мужик, нормальный священник.

Стюард закрыл гидравлический люк. На табло загорелись стандартные просьбы не курить и пристегнуть привязные ремни. И обе игнорировались VIP-пассажирами.

Марк допил коньяк именно на взлете, когда шасси лайнера оторвались от афинской земли. Он испытал ни с чем не сравнимое чувство, словно действительно возвращался на родину после нескольких лет разлуки. Посмотрел на Алексея. И тот, казалось, понял его. Но промолчал.

Глава 4

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

15

Москва

Адамский остался непроницаем, когда услышал от шефа шокирующие в общем-то вещи. Фактически Матиас щелкнул по носу главу своей службы безопасности, когда отправил его якобы покупать ресторан в Марбелле. Что и говорить, Адамский махнул мимо мяча. Сейчас самое время обсудить этот ляп.

Он слышал про Сергея Марковцева много нехорошего; а вообще информацию о нем воспринимал спокойно: «Жил такой парень». Даже чуть пренебрежительно: «Ну, жил такой парень...» По сути, мало кому мешал, потому и жил.

Адамский не понял, почему не рассмеялся в лицо боссу, когда тот коротко хотел закончить беседу: «Пробей его». На взгляд Адамского, то походило на вскрытие живого еще пациента на предмет выяснения его недомогания. Ведь есть рентген, флюорография, анализы всякие можно сдать, дыхание можно послушать, измерить давление и температуру. Температура уже в этот момент могла оказаться близкой к комнатной.

Не рассмеялся. Босс опередил.

– У меня была возможность вывезти его...

– И ты не упустил эту возможность, – с издевкой перебил Герман. – Убрал меня, чтобы я тебе не мешал.

– Он тебе не конкурент. Нам нужны его руки. Если понадобится – используем его имя.

– Пробить – не означает настучать по роже, – не мог успокоиться Адамский, – у меня неделя уйдет на это. А он здесь. Ты словно освободил его из тюрьмы, чтобы он мог подкупить потерпевших, повлиять на свидетелей, вмешаться в ход следствия. Зачем ты это сделал?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Я отвечаю. Просто для того, чтобы усложнить жизнь мне. А вдруг он «крот»? – спросил бывший полковник ФСБ. – Я начну лазить по каналам, и эти каналы будут тут же известны кому-то. Это излюбленный прием спецслужб, разве ты об этом не слыхал? Именно так вскрываются агенты, информаторы, так рушатся надежные каналы безопасности. Это трещинка, под которую можно просунуть лом. Меня другое удивляет, не то, что об этом говорю тебе я, а то, что тебе приходится это выслушивать, ну? Разве не удивительно? Ты словно первый день в бизнесе или слабый на голову.

Матиас снял очки и помассировал уставшие веки. Какое-то время оставался без очков. Обычно в таких случаях Адамский отводил взгляд или отворачивался, буквально не узнавая босса.

А вообще невооруженные глаза Матиаса больше подошли бы наемному убийце, нежели финансисту. В них натурально не было жизни – все живое словно плескалось, заключенное в двойные стекла, когда он надевал свои очки и маскировался ими. Отдалял свои гляделки на такое расстояние, что за ними ничего не разобрать. Прикинул, что стрелять Матиас мог только из одного положения: лежа и в упор.

– Займи его чем-нибудь, – все еще раздраженно порекомендовал Адамский. – Желательно, чтобы Марковцев был подальше от дел, но всегда на виду.

– Ты сам это как видишь?

– Ничего конкретного порекомендовать не могу. Выкручивайся. А мне придется крутиться. Дай мне исходник на Марковцева, мне не от чего плясать. – Герман, видя заминку босса, предложил несуразное: – Просто расскажи все, что знаешь о нем.

– Вот так просто рассказать все?

– Начни с того, как и где вы познакомились.

Эта беседа проходила в гостиной загородного дома банкира, «при закрытых дверях». Никого, кроме жены Алексея и пары охранников.

– Мы познакомились в девяносто четвертом году. Он уже год командовал батальоном особого назначения. Мое предложение обдумывал долго. Принял его, когда написал рапорт об отставке – для него это было важно, – и сразу включился в работу.

– По чьей рекомендации он пришел?

– Познакомил нас бывший замначальника 10-го Главного управления Генштаба генерал Иволгин, где Марковцев в свое время проходил службу. А с Иволгиным я познакомился в Доме правительства, он тогда занимал должность замминистра госимущества.

Иволгина Адамский знал неплохо. Его сын занимает пост гендиректора управляющей компании ЗАО «Менеджмент-Плюс», одной из шести под общим названием «Капитал Ренессанс ADV». Его председатель сейчас и отвечал на вопросы Адамского.

16

Встреча Сергея Марковцева и Матиаса в загородном доме банкира была омрачена погатым настроением бизнесмена. Тем не менее он постарался принять гостя тепло: улыбнулся при холодных глазах, вложил в его руку свою гладкую, синтепоновую на ощупь ладонь. Он словно давал понять, что уикенд позади, настали пусть не суровые, но будни, безо всяких там дополнений. Словом, общался с ним как со служащим, который прошел все тесты, не дал усомниться в своей биографии, привел доказательства опыта работы и должен был показать себя в деле. А дел хоть отбавляй. Столько, что хотелось нагрузить «новичка» по уши, дать ему разгрести этот завал. Даже допустить его в свою личную жизнь и поглазеть на нее со стороны, а потом спросить: «Что думаешь об этом?» Поймать его незавидный взгляд и поплутать по его морщинам, сплетенным на лбу в саркастическую авоську.

Последнее время Матиас пребывал в таком пришибленном состоянии. Однако мог припомнить конкретный случай, который стал как бы отправной точкой, и с той поры этакое расположение духа являлось к нему как по расписанию электричек. Примерно такое же удрученное настроение охватило Матиаса в один из летних вечеров, когда он сидел в своем кабинете и, сдвинув штору, смотрел во двор. То случилось восемь лет назад, в разгар деятельности «Щита». Жар оказался настолько сильным, что вскоре спалил и силовую структуру, и официальные указы о ее создании, оставив после себя обгорелый криминальный остов.

...Алексей сидел за раритетным письменным столом с выцветшим зеленоватым сукном. Стол почти вплотную примыкал к дубовому подоконнику, оставался зазор для «консоли» длинного монитора и шнуров, свисающих как с монитора, так и с компьютерного блока. Неприлично приподнятый и словно раздраженный «зад» оптической мыши светился красным и больше подошел бы обезьяне, пришел к неожиданному выводу Матиас.

Он перегнулся через стол и раздвинул шторы. Чуть пододвинул кресло вправо, чтобы было видно, что творится во дворе его загородного дома. Дочь Алексея взяла моду кататься на велосипеде. «Почему не на роликах?» – спросил он ее. «А почему бы не на велосипеде?» – ответила она, походившая на спецназовца группы «Альфа»: на голове шлем, локти и колени защищены набором из огромной фирменной коробки с роликами, преподнесенным ей на день рождения. Вот и весь разговор. На роликах можно кататься и во дворе, мысленно продолжил

тому Матиас, и на какой-нибудь специализированной площадке. Собственно, на то и был расчет, когда приобреталось это экстремальное средство передвижения. На велике же она втихаря, подкупая охранников своей неповторимой улыбкой, выезжала на дорогу. А психов на дороге больше, чем уравновешенных. Сиди и чешись, думай, на какой скорости катит сейчас она и на какой передаче несется позади какой-нибудь придурок, купивший по случаю загородный дом, водительские права, а заодно и машину типа «Мазда Ибуки». Соображай, в какую сторону полетят наколенники, в какую – «подлокотники», на какую высоту взлетит шлем.

...Как и тогда, настроение пришибленное. Наполовину – по той же причине, из-за дочери. Та давно забросила ролики, но отец этого слова не забыл, даже присовокупил к нему родственное: шарики. Шарики за ролики.

Дочь звали Мирандой. Она не отбилась от рук, но вела себя буквально стремно. Дело больше не в ней, а в ее окружении.

– Закуривай, Сергей, если хочешь, – предложил Матиас. Он тоже курил, но бессистемно, мог выкурить и пачку в день, а мог вообще не дотронуться до сигареты. – Вопрос с твоим жильем решен. Кстати, как ты провел эту ночь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.